

Л. Р. Зиндер

ФОНЕМА

Отдельный оттиск из издания:

Индоевропейское языкознание и классическая филология XXIX (2)

/ Гл. редактор Н. Н. Казанский.

Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2025.

Материалы Международной конференции
(чтений памяти профессора И. М. Тронского)

16–18 июня 2025 г.

«ФОНЕМА». НЕИЗДАННАЯ РАБОТА Л. Р. ЗИНДЕРА

Н. Д. Светозарова, Л. Э. Найдич, А. В. Андронов

Лев Рафаилович Зиндер. Материалы к биографии

Лев Рафаилович Зиндер — крупнейший фонетист и фонолог, специалист по общему и германскому языкознанию, теоретик и многолетний глава Щербовской (Ленинградской) фонологической школы. Его творческое наследие заслуживает дальнейшего изучения, как и его научная биография, лишь намеченная в нескольких статьях (Бондарко 2004; Вербицкая 2004)¹.

Лев Рафаилович Зиндер родился 26 декабря 1903 года (8 января 1904) в Киеве. В большой еврейской семье он был самым младшим, шестым ребёнком. Известно, что корни семьи — в Галиции; по семейной легенде фамилия была не Зиндер, а Зингер: русское *д* якобы перепутал с *г* в латинском шрифте какой-то писарь. Отец Льва Рафаиловича был управляющим имением недалеко от Киева; семья жила в центре Киева, на Подоле. Лев Рафаилович всю жизнь поддерживал тёплые отношения с братьями и сёстрами. Старшая сестра Анна переехала в Петербург ещё в дореволюционные годы: её семья имела право жить вне черты оседлости, так как муж был купцом первой гильдии. Брат Овсей стал архитектором. По его проектам был построен целый ряд домов в Ростове-на-Дону. А кроме того, он, как специалист по технике безопасности при производстве работ на строительстве, был автором книг на эту тему. Большим несчастьем для всей семьи стала ранняя смерть сестры Раи.

¹ Мало изученными остаются ранние годы Л. Р. Зиндера, поэтому мы обращаем на них особое внимание. За ценные биографические сведения о семье Льва Рафаиловича мы благодарим внучку учёного Анну Владимировну Зиндер.

Служа сестрой милосердия, она заразилась тифом и умерла в 18 лет.

Хотя родители знали много языков (мать, Сара, говорила и на идише, и по-польски, и по-украински, к тому же читала молитвы на иврите), дома говорили по-русски. Лев с детства много читал. Вместе с несколькими друзьями, как и он, любившими природу и культуру родного города, он организовал «Общество пеших прогулок». Много позже, в Ленинграде, он изучил достопримечательности города и показывал их своим любимым старшим ученицам. Когда Льву было 10 лет, умер отец. Семья попала в тяжёлое материальное положение. Будучи подростком, мальчик совмещал обучение в гимназии со своей первой официальной службой: в 15 лет он начал подрабатывать в детской библиотеке. Эти первые заработки помогали семье и при его любви к книгам не были ему тяжелы.

В 1923 году четыре молодых киевлянина, четыре товарища, в том числе Лев Зиндер и его ближайший друг Исаак Смолянский², решили уехать из Киева. Они залезли на крыши вагонов и хотели добраться до Харькова; но по дороге передумали и поехали в Петроград. Итак, с 1923 г. жизнь Льва Рафаиловича оказалась связана с Петроградом — Ленинградом.

Друзья сняли комнату в центре города, у Пяти Углов. Жили очень бедно. Когда прохудилась обувь, не могли купить новую — были лишь одни сапоги на четверых. Лев поступил в библиотечный институт. Работа в библиотеке нравилась ему, он хотел изучать языки и литературу. Библиотекарей готовили в Петроградском институте внешкольного образования, который, как потом с улыбкой вспоминал Лев Рафаилович, сокращённо несколько странно назывался ПЕТРОПИВО. Институт был вскоре переименован в Педагогический институт политпросветработы с присвоением ему имени Н. К. Крупской, а затем, в 1925 г., реорганизован в Коммунистический политико-просветительный институт им. Н. К. Крупской. С 1921 по 1926 г. там преподавала немецкий язык Эллинор Иогансон

² Исаак Моисеевич Смолянский (1905–1993) впоследствии стал германистом, защитил кандидатскую диссертацию по истории немецкого языка и преподавал на кафедре германской филологии Ленинградского университета. Как и Зиндер, он был переводчиком на фронтах Великой Отечественной войны. Дружба этих двух учёных длилась всю жизнь.

(1888–1938), замечательный знаток немецкого языка и методики его преподавания, впоследствии ставшая ассистенткой В. М. Жирмунского в изучении немецких колоний в СССР (Светозарова 2010). Она заметила особую одарённость своего ученика Льва Зиндера и была уверена, что ему нужно учиться в университете. В 1924 году он поступил на отделение (цикл) языков и литератур Западной Европы факультета языкознания и материальной культуры Петроградского университета. Среди поступивших, а их было всего несколько человек, сначала только двое, была и Татьяна Сокольская (впоследствии в замужестве Строева), которая вскоре стала другом, единомышленником и соавтором Зиндера. Их «лингвистический тандем», как говорила Татьяна Викторовна, длился более 50 лет, в их соавторстве был опубликован целый ряд основополагающих трудов, которые стали настольными книгами русских германистов. Татьяна Викторовна писала о Льве Рафаиловиче в воспоминаниях: «Он, конечно, гораздо крупнее и выше меня в нашей области, но и я в своей жизни сделала немало на своём участке. Лёва, несомненно, выше и щедрее меня и в душевном отношении» (Строева 2006: 90).

Преподавателями Л. Р. Зиндера были выдающиеся филологи: Иван Иванович Толстой (античная литература), Лев Петрович Якубинский (общее языковедение), Мария Лазаревна Тронская (западная литература), Евгений Викторович Тарле (новая история) и другие. Поистине судьбоносным для Льва Рафаиловича было то, что он стал учеником двух выдающихся учёных: это были Виктор Максимович Жирмунский и Лев Владимирович Щерба.

В. М. Жирмунский, к тому времени уже известный своими исследованиями по истории литературы и поэтике, увлёкся новой для него темой — изучением фольклора, а затем и диалектов российских немцев-колонистов и организовал соответствующий семинар. На его основе в 1924 году был создан «Ленинградский центр по изучению немецких поселений в России» (Зиндер 1998; Смирницкая 2000; Светозарова 2006; 2013; Najdič 1991). Официально семинар входил в лингвистическую секцию Ленинградского института языков и литератур Запада и Востока (ИЛЯЗВ) при Ленинградском университете, который в конце 20-х гг. был преобразован в Институт речевой культуры (ИРК).

Начиная с лета 1926 г., два раза в год, в период летних и зимних каникул, Жирмунский вместе со своими учениками и коллегами выезжал в экспедиции в немецкие колонии Украины, Молдавии, Крыма, Закавказья, Ленинградской и Новгородской областей.

Зиндер активно участвовал почти в трети экспедиций, проведённых Жирмунским. Летом 1927 г. Жирмунский направил в украинскую немецкую колонию Белые Вежи Конотопского округа УССР трёх студентов-германистов (Татьяну Сокольскую, Валентину Погорельскую и Льва Зиндера), окончивших четвёртый курс, для полного обследования этой колонии, сбора материала и последующего написания дипломных работ. Лев Зиндер описывал фонетику и грамматику современного состояния говора колонии. Его дипломная работа, написанная на основе этого исследования, не только вносит вклад в немецкую диалектологию, но и поднимает принципиальные вопросы теории языковых контактов, позднее выделившейся в особый раздел языкознания. Её текст (см.: Зиндер 2006) отличается последовательным приложением фонологической методики к исследованию синхронного среза диалекта. Применение к этому материалу фонологической теории, воспринятой молодым автором от своего учителя Л. В. Щербы, было новаторским в германистике. Представленное в работе описание состава фонем современного немецкого островного диалекта и их важнейших аллофонов и в наши дни может считаться образцовым. По материалам своих дипломных работ Зиндер и Сокольская опубликовали статью в одном из ведущих немецких журналов (Sokolskaja, Sinder 1930). Новаторский характер подхода Льва Рафаиловича в этой статье, правда, по сравнению с дипломным сочинением несколько сглажен, описание диалекта ближе к традиционному. Но эта публикация, изданная, безусловно, по рекомендации Жирмунского, была важной вехой в научной биографии молодых учёных.

Дипломные работы Зиндера, Сокольской и Погорельской были успешно защищены весной 1928, после чего все трое остались работать в университете, а также в Институте истории искусств. А от темы немецких островных диалектов на территории СССР пришлось отказаться: сами немцы-колонисты и их исследователи были объявлены немецкими шпионами. Жирмунскому чудом удалось спастись от расправы; некоторое

время он сидел в тюрьме, но благодаря помощи семьи и коллег, а скорее благодаря чуду был отпущен; а его ассистенты Эллинор Иогансон и Альфред Штрём погибли. Молодых исследователей, к счастью, не тронули. Лев Рафаилович считал, что для спасения пришлось полностью уничтожить все экспедиционные материалы; но через много лет собранная им небольшая диалектная словарная картотека, сохранённая Жирмунским и переданная его вдовой Ниной Александровной Жирмунской в архив Академии наук, была найдена и опубликована (Naiditsch, Svetosarova 2015). Опыт работы с информантами — носителями диалектов пригодился Зиндеру впоследствии и в его фонетико-фонологических трудах, и в работе в качестве разведчика во время Великой Отечественной войны.

После защиты дипломной работы Зиндер был оставлен в университете в качестве лектора немецкого языка и через год зачислен ассистентом Лаборатории экспериментальной фонетики Л. В. Щербы. Началось его тесное сотрудничество с Л. В. Щербой, учеником и последователем которого Зиндер считал себя всегда.

С 1932 по 1938 г. Лев Рафаилович заведовал в университете кафедрой иностранных языков. Сформировались его научные интересы, сохранявшиеся всю жизнь: общее языкознание, фонетика, речевая деятельность, фонетика и грамматика немецкого языка в синхронии и диахронии. К этому времени относится его работа совместно с Татьяной Викторовной Строевой над созданием «Научной грамматики немецкого языка», которая со второго издания (1941 г.) получила название «Современный немецкий язык». Это была тоже новаторская книга, основанная на современных взглядах на грамматику, она до сих пор остаётся одной из лучших научных грамматик немецкого языка. В 1938 г. Л. Р. Зиндер защитил кандидатскую диссертацию на тему «Фонология немецкого языка».

В июле 1941 г. Л. Р. Зиндер, как и многие студенты и преподаватели университета, вступил в народное ополчение. Но уже в 20-х числах августа 1941 года он был отозван в штаб Ленинградского фронта, сначала временно, когда был перехвачен написанный трудно читаемым письменным готическим шрифтом дневник убитого немецкого офицера, где содержались важные данные, в частности о стратегии и тактике захвата и разрушения Ленинграда (Винницкий 1980: 77). После этого случая

Льва Рафаиловича оставили служить в разведотделе Ленинградского фронта. Он был переводчиком, изучал захваченные документы и карты, проверял данные, готовил доклады не только для штаба Ленинградского фронта, но и для Генерального штаба (Винницкий 1980: 143–144; Бережной 1995: 65–66). Кроме того, он организовал школу военных переводчиков. Плодом этой работы стало пособие, составленное им совместно с Л. Л. Шайовичем (Зиндер, Шайович 1944). В этой небольшой (43 с.) брошюре мы видим то, что было присуще научной методике Льва Рафаиловича: ясность мысли и простота изложения, наглядность, логика, системный подход. Пригодились ему и знания немецкой диалектологии: он допрашивал пленных, часто говоривших на диалектах. Демобилизован Л. Р. Зиндер был в звании капитана. Он награждён орденом Красной Звезды³.

После окончания войны Л. Р. Зиндер до последнего года жизни работал в Ленинградском университете на образованной в 1932 г. кафедре фонетики и методики преподавания иностранных языков, которой до 1943 г. руководил Л. В. Щерба. В 1966 г. Лев Рафаилович принял заведование кафедрой от ученицы Щербы Маргариты Ивановны Матусевич, а в 1977 г. передал Лии Васильевне Бондарко. В 1958 г. Зиндер создаёт на филологическом факультете первое в Советском Союзе отделение структурной и прикладной лингвистики, а в 1962 г. — кафедру математической лингвистики, которой он заведовал в течение нескольких лет.

В 1956 г. Лев Рафаилович защитил докторскую диссертацию на тему «Общая фонетика». Под тем же названием в 1960 г. вышла монография, которая в 1979 г. была существенно переработана и дополнена для второго издания. Эта книга на протяжении почти полувека являлась основным и наиболее авторитетным учебником по общей фонетике, включая фонологию, на котором выросло несколько поколений отечественных фонетистов, и остаётся таковым и в новейшее время. Одновременно Зиндер работает совместно с Т. В. Строевой над исследованиями по истории немецкого языка. Их пособия по исторической фонетике и морфологии стали настольными книгами германистов. Кроме того, он читает лекции по истории и теории немецкого языка и по фонетике.

³ <https://podvignaroda.ru/?#id=45833935&tab=navDetailManAward>

О высоких достижениях учёного в области экспериментальной фонетики уже в конце 40-х — начале 50-х годов свидетельствуют его исследования по разборчивости речи в телефонной связи, за которые он был представлен к Сталинской премии в 1952 г. (правда, премии не получил). К концу 60-х годов кафедра фонетики под руководством Зиндера становится центром экспериментальных исследований речевой деятельности. На кафедре изучаются речевые процессы, качественные характеристики звуков речи, возможности автоматического распознавания речи. Для этих исследований важно было и сотрудничество с инженерами связи и физиологами. Кафедра стала дружеством учёных-единомышленников. Здесь работали такие выдающиеся лингвисты, как Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, М. В. Гордина, А. С. Штерн. Ученики, аспиранты, а часто и студенты чувствовали себя приобщёнными к важным исследованиям. Темы дипломных работ и диссертаций обычно соответствовали исследованиям кафедры.

Во всех работах, будь то экспериментальное изучение речи или исследования в области диахронии немецкого языка, Лев Рафаилович оставался теоретиком языкознания. В его трудах представлены важнейшие положения грамматической и фонологической теории. В фонологии это, например: две ступени фонологического анализа (членение речевого потока и парадигматическая идентификация его элементов); представление о том, что единство дифференциального признака не означает тождественности его коррелятов, а обусловлено функционально, т. е. семантически; понятие «живые чередования фонем». Эти идеи принципиально отличают Щербовскую (Ленинградскую) фонологическую школу от других направлений в лингвистике.

В завершение краткого очерка, посвящённого Л. Р. Зиндеру, следует сказать, что научное наследие этого учёного ещё предстоит опубликовать, изучать и осмысливать.

Л. Э. Найдич, Н. Д. Светозарова

Избранная литература о Л. Р. Зиндере

А. Ф. Бережной. Они сражались за Родину: Универсанты в годы войны и в послевоенные годы. Вып. 2. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1995. С. 65–66.

- Л. В. Бондарко. Лев Рафаилович Зиндер (1904–1995) // Фонетические чтения в честь 100-летия со дня рождения Л. Р. Зиндера. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. С. 3–7.
- Л. А. Вербицкая. Лев Рафаилович Зиндер — профессор Петербургского университета // Фонетические чтения в честь 100-летия со дня рождения Л. Р. Зиндера. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. С. 8–14.
- Л. Г. Винницкий. Бойцы особого фронта. Записки офицера разведки. Л.: Лениздат, 1980.
- Л. Р. Зиндер. Описательная грамматика современного говора немецкой колонии Белье Вежи. Дипломная работа. 1928.
Опубликовано в: Неизданная работа Л. Р. Зиндера. Публикация и предисловие Л. Э. Найдич и Н. Д. Светозаровой // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Том 2, часть 1. СПб., 2006. С. 413–446.
- Л. Р. Зиндер, Л. Л. Шайович. Краткое пособие для военного переводчика по обработке трофейных документов. Издание РО Штаба Ленинградского фронта. 1944.
- Л. Р. Зиндер. В. М. Жирмунский и островная диалектология // Язык и речевая деятельность. СПб., 1998. Т. 1. С. 187–193.
- Л. Р. Зиндер, Т. В. Строева. В. М. Жирмунский как полевой диалектолог // Проблемы ареальных контактов и социолингвистики. Л.: Наука, 1978. С. 152–162.
- Larissa Najdič. Victor Maksimovič Žirmunskij als Dialektologe // Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik. 1991, 2. S. 131–146.
- Larissa Naiditsch, Natalija Swetosarowa. Lev Rafailovič Zinder — Germanist, Phonologe, Phonetiker (1904–1995) // Bausteine zur Wissenschaftsgeschichte von Dialektologie/Germanistischer Sprachwissenschaft im 19. und 20. Jahrhundert. Beiträge zum 2. Kongress der Internationalen Gesellschaft für Dialektologie des Deutschen, Wien, 20.–23. September 2006. Hrsg. von Peter Ernst. Praesens Verlag, Wien. 2008. S. 75–83.
- Larissa Naiditsch, Natalija Svetosarova. Dialektologische Projekte von V. M. Schirmunski und die Wortkartei von L. R. Sinder // Индо-европейское языкознание и классическая филология. XIX. Материалы чтений, посвящённых памяти профессора И. М. Тронского, 22–24 июня 2015 г. СПб.: Наука, 2015. С. 683–698.
- Н. Д. Светозарова. Забытое имя — фольклорист Эллинон Иогансон // Фольклор и мы: Традиционная культура в зеркале её восприятий: Сб. науч. ст., посвящ. 70-летию И. И. Земцовского. Ч. 1. СПб.: РИИИ, 2010. С. 223–231.
- Н. Д. Светозарова. Л. Р. Зиндер — германист // Немцы в России. Русско-немецкие научные и культурные связи: Сб. ст. / Отв. ред. Г. И. Смагина. СПб.: Дм. Буланин, 2000. С. 22–29.

- Н. Д. Светозарова. Фольклорно-диалектологические экспедиции В. М. Жирмунского и его «Архив немецкой народной песни» // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2006. Т. 2. С. 137–147.
- С. В. Смирницкая. В. М. Жирмунский и Ленинградский центр по изучению немецких поселений в России // Немцы в России. Русско-немецкие научные и культурные связи: Сб. ст. / Отв. ред. Г. И. Смагина. СПб.: Дм. Буланин, 2000. С. 61–70.
- Т. В. Строева (Сокольская). Воспоминания. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006.
- Tatiana Sokolskaja, Leo Sinder. Eine oberhessische Sprachinsel in der Nordukraine // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. Band 54. Heft 3. 1930. S. 334–355.

«Фонема» — незавершённая рукопись Л. Р. Зиндера

В личном архиве Льва Рафаиловича Зиндера, хранящемся на кафедре фонетики Санкт-Петербургского университета, есть лежащая в отдельной папке рукопись, озаглавленная коротко: «Фонема». Фраза, которой рукопись открывается, также отличается лаконичностью: «О фонеме написано множество работ». Текст начинается с краткого Предисловия, в котором автор изложил основную причину своей работы над книгой, написанной с целью осуществить то, что не успел сделать его учитель, Лев Владимирович Щерба:

«Сам Л. В. Щерба, к сожалению, не написал не только книги, но и статьи, которая была бы целиком посвящена теории фонемы; его высказывания о фонеме рассыпаны в работах на разные общие и специальные темы. Поэтому западные учёные, даже те, которые упоминают Л. В. Щербу, не представляют себе, какую роль он сыграл в развитии учения о фонеме. Автор настоящей книги, в которой будут освещены, хотя и с разной степенью подробности, все основные проблемы фонологии, а также важнейшие вехи её истории, стремится показать подлинное место Щербы в истории науки, а также и значение его идей для современного её состояния».

О том, что Щерба не написал книги о фонеме, Л. Р. Зиндер говорил и писал неоднократно. Но он и сам не дошёл до конца работу над своей книгой о фонеме. Она не только не была напечатана, но не была и закончена. Почему так случилось, сказать теперь уже невозможно. Некоторые предположения

будут высказаны ниже, в разделе, посвящённом времени создания публикуемого текста.

Адресована книга Зиндера хорошо подготовленному читателю. Об этом автор сообщает в конце своего Предисловия: «Книга рассчитана на широкий круг читателей-лингвистов».

Состав и структура рукописи

Папка с рукописью содержит 63 листа бумаги размером около 20,5×34 см (развёрнутые двойные листы ученических тетрадей). Текст большей частью набран самим Львом Рафаиловичем на портативной пишущей машинке, однако с многочисленными рукописными вставками и дополнениями на оборотной стороне листов и на отдельных листах. На оборотных сторонах часто встречаются авторские подсчёты количества печатных знаков.

О незавершённости работы, помимо заголовков «Часть I», «Глава 1» при отсутствии других частей и глав, свидетельствуют некоторые пропуски в библиографии и отсутствие порой примеров (пустые места в машинописном тексте, который Лев Рафаилович заполнял сам на латинской пишущей машинке), а также встречающиеся в тексте отсылки к не представленным в рукописи темам. Например, обсуждая проблему дифференциальной функции фонемы, Зиндер отмечает широкое распространение «ошибочного представления о решающем значении минимальных пар для фонологического противопоставления звуковых единиц» и пишет: «подробнее см. ниже с. ...», однако этот вопрос в сохранившемся тексте «Фонемы» более подробно не раскрывается (ср., напротив, соответствующие страницы второго издания «Общей фонетики» — с. 69–71). Подобные ссылки на отсутствующие в тексте фрагменты при публикации сохранены, поскольку на их основании можно составить представление о том, что ещё предполагал осветить автор.

Работа состоит из нескольких разделов, однако порядок расположения последних из них не вполне ясен: некоторые не имеют буквенной нумерации, а там, где она есть, наблюдаются повторы и сбои, объясняемые поисками автором оптимальной композиции. Обоснование порядка разделов, выбранного в настоящей публикации, представлено ниже.

Общий объём компьютерного набора рукописи — 3,43 а. л., (текст лишь немного больше фонологического раздела в первом

и втором изданиях «Общей фонетики» — 2,68 и 3,27 а. л. соответственно).

Датировка текста

Когда создавалась «Фонема»? Очевидно, что работа началась вскоре после выхода в свет первого издания «Общей фонетики» (1960), которое Л. Р. Зиндер в тексте упоминает (правда, лишь один раз)¹. С другой стороны, в рукописи широко привлекаются работы, вышедшие в свет после 1960 г., самая поздняя из которых — статья Г. В. Воронковой и М. И. Стеблин-Каменского «Фонема — пучок РП?» (1970).

Ясно, что книга написана и не в конце жизни учёного. В ней нет ссылок на второе издание «Общей фонетики» (1979), хотя обоснование реальности (автономности, самостоятельности) фонемы, в связи с которой указываются страницы первого издания (с. 53–55), с той же полнотой представлено и во втором (с. 56–58). Не отразились в тексте и осуществлённые Зиндером переиздания работ Щербы — сборник «Языковая система и речевая деятельность» (1974; совместно с М. И. Матусевич) и «Русские гласные» (1983; совместно с Л. В. Бондарко). Нет упоминаний работ В. Б. Касевича (в частности, фундаментальной монографии «Фонологические проблемы общего и восточного языкознания» 1983 года).

По всей видимости, книга писалась в основном в период между двумя изданиями «Общей фонетики». Возможно, именно работа над вторым изданием помешала автору закончить свою «Фонему». Однако случайная находка подтверждает, что Зиндер возвращался к ней и позднее: при проверке цитируемых источников de visu А. В. Андронов в одной из книг Российской национальной библиотеки обнаружил написанное рукой Льва Рафаиловича требование от 31 октября 1983 года:

Шифр	Р 10 1251	Выд. единиц	
Название журнала	Kommunikation und Kybernetik		
Автор	Harnisch G.		
Год	1966	Том	5
Номер	месяц		
Дата заказа	30	сентяб.	83.
	Подпись читателя Л. Зиндер		
Принят	к 31 окт 1983 г. к 10 час.		
	Билет № 50501		
	1/11		87
	Тип. № 2 УПД, вак. 999 — 800.000, 4-4-89 г.		

¹ Многие затрагиваемые в тексте вопросы близко перекликаются с конкретными статьями Льва Рафаиловича (см. ниже), но отсутствие ссылок на них, может быть, объясняется тем, что в обобщающей книге автор надеялся более полно раскрыть соответствующие темы.

В книге много полемики. Л. Р. Зиндер рассматривает в ней новейшие и актуальные для своего времени работы по фонологии: нашумевшую книгу С. К. Шаумяна, популярные идеи генеративистов — и вместе с тем традиционные фонетические исследования (работы О. Есперсена, П. Менцерата и др.). Разбираются взгляды основного его «соперника» и «коллеги» по фонологической теории — Н. С. Трубецкого. Анализируется спор с представителями московской фонологической школы, намечена связь идей МФШ с генеративизмом. Используются достижения инструментальных исследований, в частности работы кафедры фонетики, дающие возможность понять значимость теоретических построений.

Соотносимые с «Фонемой» труды Л. Р. Зиндера

Совершенно естественно, что при работе с незавершённой рукописью встал вопрос, насколько её содержание перекликается с опубликованными и широко известными трудами автора. Наиболее полное изложение теории фонемы, кроме рассматриваемой рукописи, Л. Р. Зиндер дал в фонологических главах двух изданий своей «Общей фонетики» (1960 и 1979 гг.) и в вышедшем посмертно «Теоретическом курсе фонетики современного немецкого языка» (1997), первая часть которого полностью посвящена общим фонологическим проблемам. Многие важные положения с развёрнутой аргументацией представлены в статьях учёного.

Известно, что Л. Р. Зиндер был в работе перфекционистом, в своих текстах он добивался точности и лаконичности. Очень многое из того, что содержится в рукописи «Фонемы», он излагал в курсах лекций («Общая фонетика», «История учения о фонеме», «Фонетика и морфология», «Теоретическая фонетика современного немецкого языка» и др.) и на аспирантских семинарах. Лев Раваилович оттачивал и совершенствовал свою теорию в незаконченной книге, которой, как было известно его ученикам, очень дорожил. Она должна была стать итогом его теоретических изысканий и окончательным изложением концепции.

Подробное описание эволюции теоретических взглядов Л. Р. Зиндера, их основополагающей роли в истории Щербовской фонологической школы должно стать предметом самостоятельного исследования. При подготовке рукописи «Фонемы»

к публикации мы привлекали другие работы автора в основном лишь для восполнения пробелов в тексте и определения порядка следования разделов. Это сопоставление свидетельствует, что Лев Рафаилович всё время искал наилучшую последовательность в расположении отдельных тем и, соответственно, по-разному выстраивал ход рассуждений и доказательств.

Во втором издании «Общей фонетики» Л. Р. Зиндер в основном сохранил план и объём общefonологических разделов:

1960	1979
Учение о фонеме	Учение о фонеме
1. Деление потока речи на звуки	1. Деление потока речи на звуки
2. Фонема и оттенки	2. Фонема и дифференциальные признаки
3. Реальность фонемы	3. Фонема и аллофоны
4. Границы фонемы и фонемный ряд	4. Реальность фонемы
Состав фонем	5. Границы фонемы и морфонема
Система фонем	Состав фонем
	Система фонем

По существу, конечно, изменения коснулись не только терминологии (оттенок vs аллофон, фонемный ряд vs морфонема) и введения раздела «Фонема и дифференциальные признаки» (более краткая версия его ранее входила в состав раздела «Фонема и оттенки») — развивалась и сама теория, оттачивались её детали.

Порядок следования разделов книги «Фонема»

Как было сказано, авторский замысел в отношении расположения последних разделов книги, не вполне ясен. В попытке определить его учитывались следующие данные: 1) сохранившиеся в рукописи варианты оглавления; 2) авторская нумерация листов (имеющая варианты); 3) физическое расположение разделов в папке (к сожалению, нет полной уверенности, что их порядок дошёл до нас неизменным); 4) сопоставление с порядком, представленным в других работах автора; 5) общие представления о логике изложения фонологической теории и обосновывающей её аргументации в Щербовской фонологической школе.

Предшествующее тексту оглавление (с номерами страниц), представлено двумя вариантами, один из которых (на обороте

листа) перечёркнут. В соответствии с «чистовым» вариантом оглавления расположены и листы в папке (к разделу о функциях фонемы относится ещё лист с ранней версией текста, имеющий карандашный номер страницы 25 и находящийся в конце папки — см. ниже).

Оглавление	
Предисловие	1
Часть I. Учение о фонеме	
Введение	3
Глава 1. Поток речи и фонема	
А. Общие вопросы членения потока речи	8
Б. Фонема как кратчайшая звуковая единица.....	11
В. Вариативность фонемы.....	17
Г. Функции и сущность фонемы.....	27
Д. Аллофоны, их значение и типы.....	32

Перечёркнутый вариант оглавления более полный:

Оглавление	
Предисловие	1
Часть I. Учение о фонеме	
Введение	3
Глава 1. Поток речи и фонема	
А. Общие вопросы членения потока речи	8
Б. Фонема как кратчайшая звуковая единица.....	11
В. Парадигматическая идентификация фонем	17
Г. Фонема и звуковая субстанция.....	27
Д. Фонема и морфема	30
Е. Фонема и оттенки	33
Ж. Фонема и звуковая субстанция.....	36

В этом варианте есть исправления. Раздел **«Б. Фонема как кратчайшая звуковая единица»** ранее имел название «Синтагматическая идентификация фонем» (зачёркнуто), но заглавие раздела **«В. Парадигматическая идентификация фонем»** ещё не изменено — лишь в новом оглавлении он получает название **«В. Вариативность фонемы»**, и соответствующее исправление видно также в самом тексте рукописи. Четвёртым изначально был раздел **«Г. Фонема и звуковая субстанция»** (литера «Г» перед заглавием осталась и в тексте, где впечатаны более

ранние номера страниц 27–29), однако, согласно новому оглавлению, он уступил место разделу «**Г. Функции и сущность морфемы**», переместившись в конец (последняя строка этого варианта оглавления — «Ж. Фонема и звуковая субстанция» — написана карандашом), но в итоге, согласно авторской нумерации страниц (и физическому расположению листов в папке), вернулся в середину, заняв шестое по порядку место после «**Д. Аллофоны, их значение и типы**» (более раннее название, по-видимому, «Е. Фонема и оттенки»). На разделе «Фонема и звуковая субстанция» заканчивается авторская пагинация (последняя страница 38).

Следующим в папке лежит раздел «**Дифференциальный признак**» (8 листов рукописного текста с самостоятельной пагинацией), и его место представляется закономерным (несмотря на отсутствие в оглавлении): по содержанию он органично примыкает к обсуждению темы «Фонема и звуковая субстанция». Ср. один из его заключительных тезисов:

«Дифференциальный признак, так же как и фонема, сложным образом соотносится с представляющей его звуковой материей, он так же представляет собой абстрактную единицу, единство которой, в конечном счёте, определяется смысловыми отношениями, опосредованными через фонологическую систему языка».

Этот раздел значительно превосходит по объёму соответствующие части изданий «Общей фонетики», будучи вдвое больше текста, помещённого под самостоятельным заглавием «Фонема и дифференциальные признаки» во втором издании (с. 42–45), не говоря об одной соответствующей странице в первом (с. 40–41).

Оправданно и место следующего в папке раздела «**Фонема и морфема**», который, согласно раннему оглавлению, был обозначен литерой «Д» (она напечатана и в заголовке текста соответствующего раздела, страницы которого имеют номера 30–32, как и в первом варианте оглавления). Помимо этих трёх листов, имеется ещё отдельный лист с таким же заголовком, но без литеры (и без номера страницы), и с текстом, содержательно предваряющим основное изложение — несколько печатных строк и рукописное продолжение на обеих сторонах листа. Раздел «Фонема и морфема» во многом пересекается с одноимённой статьёй, опубликованной в 1977 г. (т. е. в период

работы над вторым изданием «Общей фонетики», куда материал статьи не вошёл). Лев Рафаилович читал и курс лекций под таким названием, который хорошо помнят некоторые из слушавших его, в том числе и один из авторов данного предисловия.

Вопросом, освещаемым в последнем разделе папки, озаглавленном **«Инventарь фонем»** (3 листа машинописного текста без пагинации), является отбор материала для анализа в фонологических исследованиях. По словам Зиндера, «именно здесь мы наталкиваемся на глубокое расхождение между разными авторами, ведущее к несовпадению результатов». В обоих изданиях «Общей фонетики» эта проблематика рассматривается в параграфах раздела «Состав фонем», следующего за разделом «Учение о фонеме». В рукописи, как мы видели, «Учением о фонеме» названа вся первая часть книги, первая же глава её («Поток речи и фонема») посвящена основной проблеме фонологии — соотношению физически континуального речевого сигнала и его дискретного фонемного представления:

«Первое утверждение, с которого начинается учение о фонеме, состоит в том, что звук как лингвистическая единица не совпадает со звуком в акустическом или физиологическом смысле. В этом отношении фонологи самых различных школ единодушны».

В первой главе всесторонне анализируется природа и сущность используемых в фонологическом описании понятий, а дальнейшее изложение концентрируется уже на подходах к описанию конкретного лингвистического материала. В таком случае «Инventарь фонем» представляется, скорее, частью второй, ненаписанной главы. Может быть, не случайно упомянутый лист с более ранней версией текста о конститутивной функции фонемы лежит в папке именно перед разделом об инвентаре фонем, как бы завершая блок листов, относящихся к первой главе?

К сожалению, мы не знаем, какие ещё части и главы предполагались автором книги «Фонема».

Итак, принятое в настоящей публикации оглавление книги выглядит следующим образом (буквенная нумерация, которой Лев Рафаилович любил обозначать разделы, для последних из них, расположенных предположительно, добавлена в квадратных скобках):

Оглавление	
Предисловие.....	883
Часть I. Учение о фонеме	
Введение.....	884
Глава 1. Поток речи и фонема	
А. Общие вопросы членения потока речи.....	889
Б. Фонема как кратчайшая звуковая единица.....	896
В. Вариативность фонемы.....	904
Г. Функции и сущность фонемы.....	916
Д. Аллофоны, их значение и типы.....	922
[Е.] Фонема и звуковая субстанция.....	927
[Ж.] Дифференциальный признак.....	930
[З.] Фонема и морфема.....	937
[Глава 2]	
Инвентарь фонем.....	943
<...>	

Краткая характеристика содержания разделов

Во **Введении** описывается устройство языка как системы билатеральных знаков, рассматривается принцип произвольности знака, обосновывается автономность плана выражения и значимость именно звуковой его природы. Характерно замечание Зиндера:

«Сказанное отнюдь не противоречит общесемиотическим представлениям, которые говорят лишь о том, что в функции плана выражения может выступать любая материя. А это вовсе не означает, что в каждой данной системе соответствующий вид материи не является обязательным».

Раздел **«А. Общие вопросы членения потока речи»** посвящён опровержению распространённого представления, что звук речи (с которым соотносится фонема) «дан в непосредственном опыте и обладает определёнными объективными признаками, а потому не нуждается в специальном рассмотрении в лингвистическом аспекте»; доказывается, что «звук речи, фон вторичен по отношению к фонеме» и «вычленение его из потока речи является результатом действия чисто языкового, а не артикуляторно-акустического механизма».

В следующем разделе **«Б. Фонема как кратчайшая звуковая единица»** описывается «внутренний языковой механизм, обуславливающий сегментацию» и исследовательские процеду-

ры сегментации текста. При этом Зиндер требует чётко различать соответствующие вопросы: «то, чем определяется сегментация, от того, как определить, имеется ли она в данном случае или нет». Опираясь на указание Щербы, что «основной интерес речи лежит в смысловых представлениях», Лев Рафаилович обосновывает тезис о морфологической делимости как «сильнейшем факторе, обуславливающим сегментацию звуковой стороны языка». В отношении принципа аналогии важно разъяснение понятия фонетического сходства:

«Следует подчеркнуть, что дело идёт именно о фонетическом сходстве, а не об акустическом. Во-первых, последнее трудно определимо; во-вторых, для лингвистики важны сходства и различия, не просто объективно существующие, а соответствующим образом определяемые носителями данного языка».

Интересно отметить ещё, что термин «синтагматическая идентификация фонем», использованный в начальном названии раздела (судя по оглавлению, см. выше) в его тексте не встречается (он появляется позже — в разделе «Фонема и звуковая субстанция»).

Парадигматическая идентификация фонем (с активным использованием этого термина) рассматривается в разделе «**В. Вариативность фонемы**». Здесь Зиндер также предупреждает:

«...Речь прежде всего пойдёт не о том, какими методами должен пользоваться исследователь, чтобы установить фонемные и нефонемные звуковые различия, а о внутренних факторах, обуславливающих единство аллофонов одной фонемы... и, наоборот, противопоставление аллофонов разных фонем».

Критикуя взгляды большинства фонологов, в вопросе о причинах объединения аллофонов в фонемы явно или неявно опирающихся на артикуляционно-акустическое сходство звуков²,

² В частности, здесь представлена развёрнутая полемика с С. К. Шаумяном — фрагмент, которого по понятным причинам нет ни в первом, ни во втором издании «Общей фонетики». Полемика была весьма актуальной для предположительного времени работы над «Фонемой». В 1-м издании «Общей фонетики» (1960) её, естественно, ещё нет, поскольку книга Шаумяна «Проблемы теоретической фонологии» вышла в 1962 г., а во 2-м издании (1979) — уже нет, так как оппонент в 1975 г. эмигрировал в США. Последнее могло быть формальной причиной — запретом издательства давать ссылки на эмигрировавших

Зиндер формулирует принцип парадигматической идентификации:

«...Если аллофоны, обнаруживаемые в одной морфеме, лингвистически не противопоставлены в силу того, что их появление не связано со смысловыми отношениями, а обусловлено фонетической позицией, то их принадлежность одной фонеме определяется лингвистически тем, что они чередуются в пределах одной и той же морфемы».

Впервые этот принцип был сформулирован Зиндером, видимо, в статье «Материальная сторона языка и фонема» (в сборнике «Ленинизм и теоретические проблемы языкознания», М., 1970):

«Для того, чтобы относиться к одной фонеме, два аллофона должны быть связаны тем, что они могут находиться в позиционном чередовании в одной и той же морфеме» (с. 379).

Обретая функциональную основу, принцип парадигматической идентификации, таким образом, становится органичным продолжением столь же функционального (на основе морфологической границы) принципа идентификации синтагматической, с которой в школе Щербы начинается фонологическое описание. Противопоставление синтагматики и парадигматики, столь важное для поздних работ Зиндера, уже в «Фонеме» выражено очень чётко:

«...Сегментацией (иначе: синтагматической идентификацией. — А. А., Н. С.) определяется количество фонем той или иной языковой единицы, но она не определяет того, какие это фонемы... Механизм членения не определяет количества фонем языка, его инвентарь фонем или иначе — парадигматическую идентификацию фонем. <...> Идентификация одних фонетических единиц и различие других регулируется иными факторами, чем сегментация, но и в этом случае определяющим является лингвистический аспект».

В разделе «Г. Функции и сущность фонемы» в качестве основной однозначно названа конститутивная функция:

«Способность образовывать план выражения («звуковой облик») языкового знака, являющаяся основным признаком

авторов. Однако, судя по воспоминаниям о лекциях Льва Рафаиловича, причина состояла, скорее, в постепенной утрате интереса к теории Шаумяна. В лекциях 1980-х годов, когда запрет не был уже столь строгим, он не уделял этой работе большого внимания.

фонемы, должна быть признана одновременно и её основной функцией; вслед за некоторыми исследователями её можно назвать конститутивной. Такая точка зрения идёт вразрез с господствующими в науке представлениями. Трубецкой даже и не говорит о конститутивной функции. Основной признаётся функция дифференциальная или дистинктивная (морфеморазличительная, словоразличительная)».

Отмежевание от дистинктивной функции фонемы происходило у Л. Р. Зиндера постепенно: в обоих изданиях «Общей фонетики» (1960, с. 39; 1979, с. 41) «словоопознавательная» функция стоит рядом со «словоразличительной», но на втором месте. В статье «О „минимальных парах“» («Язык и человек», М., 1970) говорится уже, что «функция фонемы заключается не в том, чтобы различать слова или словоформы (хотя потенциально фонема такой способностью всегда обладает), а в том, чтобы опознавать эти языковые единицы» (с. 109).

В последней книге Зиндера «Теоретический курс фонетики современного немецкого языка» (1997, с. 63) абсолютно чётко сказано, что «единственная функция фонемы — конститутивная, или конституирующая».

В разделе о функциях фонемы критикуется и представление о пограничных сигналах:

«...Говорящие, устанавливая состав слов воспринимаемого ими отрезка речи, пользуются не фонематическими пограничными сигналами, а более сильным фактором — смысловым. <...> Никаких сигналов рассматриваемые фонетические факты не обнаруживают и, соответственно, никакой делимитативной функцией ни фонема, ни аллофоны фонемы не обладают».

Центральным в разделе «Д. Аллофоны, их значение и типы» является вопрос о лингвистической значимости аллофонов. По мнению Зиндера, она проявляется в нарушении звукового облика слова при использовании «не того» аллофона, в историческом развитии фонологических систем, в способности носителей различать аллофоны, «связанные с важными фонологическими противопоставлениями». Здесь Лев Рафаилович одобрительно отзывается о предложенном Э. Палгремом термине «аллофонема» (используемом и в других разделах рукописи). Далее рассматривается вопрос о «типичном оттенке».

Интересно замечание Зиндера о некорректности применения понятия аллофон при описании различий, определяемых позицией относительно ударения:

«.../a/ в ударном и в разных безударных слогах всегда рассматриваются как разные аллофоны. Правильнее было бы, вероятно, считать их одним аллофоном, а разное качество ударных и безударных гласных отнести за счёт характеристики ударения. Практически реализовать такую точку зрения трудно, но это не опровергает её справедливости».

Раздел «[Е.] Фонема и звуковая субстанция» связан с проблемой восприятия речи, осуществляемого через улавливаемые слухом акустические сигналы:

«...Фонема имеет своим обязательным воплощением звуковую материю. Артикуляторно-акустическая характеристика физического коррелята фонемы может быть очень сложной; она, во-первых, обязательно варьирует в разных фонетических позициях, во-вторых, она может распределяться между несколькими сегментами, частично перекрываясь с характеристиками коррелятов соседних фонем, но именно она обеспечивает опознавание фонемы в акте коммуникации и возможность выделения её путём изолированного „произнесения“».

И далее:

«Можно предположить, что в памяти носителей данного языка хранится некоторое число звуковых образов, по-видимому, превышающее число фонем этого языка, обладающих определёнными акустическими характеристиками и позволяющих носителю языка „узнавать“, какую фонему каждый из них представляет в соответствующей фонетической позиции».

Об остальных разделах см. выше.

Обобщая, следует сказать, что рукопись имеет не только большую историческую, но и собственно научную ценность, поскольку ряд аспектов учения о фонеме освещён в ней более подробно и под иным углом зрения, чем это сделано в опубликованных трудах Л. Р. Зиндера. Несмотря на незавершённость авторской работы над текстом она представляет безусловно важный для изучения щербовской фонологической школы материал, который станет доступен теперь заинтересованным специалистам.

История подготовки рукописи к публикации

После смерти Льва Рафаиловича в 1995 г. рукопись «Фонемы» была передана родными учёного на кафедру фонетики Санкт-Петербургского университета, которой он много лет

заведовал и где работал большую часть своей жизни. Известно, что планы издания рукописи были у Лии Васильевны Бондарко, сменившей Зиндера на посту заведующего кафедрой в 1977 г. Эти планы не были осуществлены, возможно, в связи с тем, что в последние годы жизни Л. В. Бондарко была занята (вместе с М. В. Гординой) переизданием «Общей фонетики» и ряда наиболее важных и принципиальных статей Зиндера (2007).

Через несколько лет после смерти Л. В. Бондарко, в 2011 г., работу над подготовкой рукописи к печати начала ученица Зиндера Н. Д. Светозарова, которая сразу же привлекла к ней своих коллег и единомышленников, как на кафедре фонетики, так и за её пределами.

Прежде всего, при поддержке заведующего кафедрой фонетики Павла Анатольевича Скредина доцент Людмила Павловна Щербакова, образованный и тонкий фонетист, осуществила профессиональный компьютерный набор рукописи. Текст был прочитан старейшим сотрудником кафедры Миррой Вениаминовной Гординой (1925–2018), которая сделала много ценных замечаний и расшифровала ряд не совсем ясных мест. Далее последовала кропотливая работа по восполнению лакун: отсутствующих примеров и библиографических ссылок (в частности, на основе данных, найденных в других работах Л. Р. Зиндера). Существенную помощь в этом плане оказала ещё одна ученица Зиндера, профессор Иерусалимского университета Лариса Эриковна Найдич, а также профессор СПбГУ Михаил Борисович Попов, которым мы благодарны за ряд ценных советов. Высокую оценку рукописи дали профессора филологического факультета Павел Анатольевич Скредин и Юрий Александрович Клейнер. Поскольку работа над подготовкой к изданию велась в течение многих лет, то приостанавливаясь, то возобновляясь и привлекая новых сотрудников, в январе 2025 г. была произведена итоговая сверка компьютерного набора с оригиналом.

Вмешательство в авторский текст при публикации минимально. Однако библиографические ссылки оформлены в соответствии с современными требованиями: литература из постраничных сносок выделена в общий список, а ссылки на неё в тексте даются в формате [автор, год, страница]; библиографические дополнения, в редких случаях внесённые издателями, оговариваются в сносках.

А. В. Андронов, Н. Д. Светозарова

ФОНЕМА ***Предисловие**

О фонеме написано множество работ. Имеется большое число определений этого понятия, но ни одно из них не может считаться общепризнанным. Однако из этого неправильно делать вывод о «непознаваемости» фонемы, как это делают некоторые лингвисты, не вникавшие достаточно глубоко в существо вопроса. Если говорить о «неопределимости», то фонема разделяет в этом отношении судьбу других основных понятий языковедения — слова и предложения. Точно так же, как интуитивно всякий лингвист знает, что такое слово или предложение, так он знает и то, что такое фонема. Равным образом и для наивного носителя языка она представляет реальную единицу и, следовательно, может быть, если не определена, то описана с достаточной полнотой.

Должен заметить, что я субъективно приемлю все известные мне определения фонемы, и, хотя ни одно из них меня полностью не удовлетворяет, я, кажется, не могу назвать ни одного, которое было бы с моей точки зрения абсолютно неверным.

Читатель, вероятно, уже догадывается, что я не льщу себя надеждой превзойти в этом отношении всех своих предшественников и дать такое определение фонемы, которое было бы совершенно неуязвимым. Мне хотелось бы только представить на его суд полное изложение той теории фонемы (или фонологии), которую можно назвать щербовской (иногда её неточно называют ленинградской), не оставляя без внимания и другие теории.

Щербовской излагаемая здесь теория фонемы является не потому, что пересказываются его работы. Напротив, ниже используется ряд понятий и терминов, которых мы не найдём у Щербы, но общие идеи, равно как и трактовка многих частных вопросов, восходят к нему и находятся в полном согласии с его фонетическими и общелингвистическими взглядами.

Сам Л. В. Щерба, к сожалению, не написал не только книги, но и статьи, которая была бы целиком посвящена теории

* Публикацию подготовили А. В. Андронов и Н. Д. Светозарова.

фонемы; его высказывания о фонеме рассыпаны в работах на разные общие и специальные темы. Поэтому западные учёные, даже те, которые упоминают Л. В. Щербу, не представляют себе, какую роль он сыграл в развитии учения о фонеме. Автор настоящей книги, в которой будут освещены, хотя и с разной степенью подробности, все основные проблемы фонологии, а также важнейшие вехи её истории, стремится показать подлинное место Щербы в истории науки, а также и значение его идей для современного её состояния.

Книга рассчитана на широкий круг читателей-лингвистов.

Часть I. УЧЕНИЕ О ФОНЕМЕ

Введение

Подход к анализу и определению того или иного лингвистического понятия находится в тесной зависимости от общего понимания сущности языка и трактовки значения отдельных его сторон. Поэтому необходимо, прежде всего, остановиться на выяснении некоторых принципиальных лингвистических положений.

Что язык с точки зрения его функции является важнейшим средством общения, можно считать общепризнанным в современном языковедении. Столь же общепризнанным будет, пожалуй, и то, что язык — это форма существования сознания, мысли, если рассматривать проблему соотношения языка и мышления со стороны языка. Спорным остаётся вопрос, единственная ли это форма сознания, мышления. Однако, спор этот — философский, а не лингвистический, поскольку в нём отправной точкой является не язык, а мышление. Пусть язык не единственная форма мышления (сознания), но то, что он — одна из таких форм и притом важнейшая, это бесспорно.

Менее единодушной, по крайней мере, в советском языковедении будет трактовка языка с точки зрения того, как он устроен: здесь наиболее общим, именно для советских лингвистов, является, пожалуй, то, что язык — это не только форма, что в языке мы имеем форму и содержание. Признание же того, что связь между последними представлена в языке в виде знаковой системы, является далеко не всеобщим.

В настоящей книге в основе лежит понимание языка, с одной стороны, как некоей целостной структуры, в которой

отдельные ярусы или уровни тесно взаимодействуют между собой, с другой стороны, как системы знаков, причём эта система рассматривается как саморегулирующаяся и саморазвивающаяся, то есть не зависящая от воли людей, чем она и отличается от всех других знаковых систем, используемых в человеческом обществе. Знак понимается здесь как билатеральная (двухсторонняя) единица, в которой различается план выражения (форма) и план содержания. План выражения в языковом знаке воплощён в звуковой материи, только благодаря которой и возможно общение между людьми. Письменная форма вторична по отношению к звуковой. Будучи лишь кодом для звуковой стороны языка, письмо возникает и существует на базе последней в результате сознательной деятельности людей. Оно всегда подразумевается как возможное, и каждый раз говорить о нём нет необходимости.

Многие лингвисты считают вслед за Соссюром [Соссюр 1916/1933: 35], что звуковая природа плана выражения в языковом знаке случайна, что ту же функцию мог бы выполнять и другой вид материи. Это положение справедливо в отношении знака вообще: с точки зрения общей семиотики (теории знака) план выражения в знаке может иметь любую природу, и, действительно, в системе дорожных знаков, например, мы пользуемся цветом, глухонемые общаются при помощи жестов и т. п. Однако языковедение — это не общая семиотика, и его задача состоит в том, чтобы исследовать то, что характерно именно для языка, и что отличает его от других знаковых систем.

Для общения между людьми, естественно, «выбор» средства определяется особенностями организма человека. Люди могут общаться между собой только при помощи осязания, зрения, слуха. Совершенно очевидно, что звуковая материя больше всего подходит для указанной цели: звук не требует того, чтобы собеседники находились в непосредственной близости друг с другом или видели друг друга. Звуковыми сигналами пользовались и животные, предшественники человека по эволюционной лестнице. Таким образом, мы в праве утверждать, что звуковая природа плана выражения в языке не случайна, что только она и обеспечила возможность столь высокого развития языка, без которого немислимо человеческое общество.

Сказанное отнюдь не противоречит общесемиотическим представлениям, которые говорят лишь о том, что в функции

плана выражения может выступать любая материя. А это вовсе не означает, что в каждой данной системе соответствующий вид материи не является обязательным.

Одним из важнейших положений общей семиотики является так называемый «принцип произвольности или условности знака» [Соссюр 1916/1933: 79]. Под этим подразумевается то свойство знака, что между его планом выражения и планом содержания нет обязательной связи, или иными словами, что физические характеристики первого не определяются сущностью последнего. Например: значение разрешения по природе никак не связано с зелёным цветом, применяемым в соответствующем знаке светофора. Поэтому в метро на сигнале, который показывает дежурная, отправляя поезд, зелёный цвет по каким-то соображениям заменён белым.

В языковом знаке (в морфеме, в слове) не должно быть и нет обязательной связи между его содержанием и звуковым обликом; значение слова никак не предопределяет того, из каких звуков оно должно состоять. Принимая во внимание то обстоятельство, что в языке мы имеем дело со звуковой материей, подлинную зависимость выражения от содержания можно было бы ожидать только в звукоподражательных словах. Физическая природа таких предметов, как «дерево» или «окно», равно как и сущность абстрактных понятий, разумеется, никак не могут обуславливать звукового состава соответствующих слов.

Если обратиться к звукоподражательным словам, то они, во-первых, составляют ничтожную долю лексики языков и, во-вторых, они отнюдь не совпадают в разных языках по звуковому составу; например: рус. *кукареку*, англ. *cock-a-doodle-doo*, нем. *kikeriki*. Даже в тех случаях, когда между такими словами и имеется заметное сходство, оно не является полным, так как, будучи словами данного языка, звукоподражательные слова строятся в соответствии с его фонетическими закономерностями.

В поисках соответствия между природой обозначаемых понятий и звуковым составом слов некоторые исследователи обращаются не к акустической стороне звуков речи, а к артикуляторной. По их наблюдениям, понятия, связанные, скажем, с общей идеей закрывания, находят своё выражение в словах или в корневых морфемах, содержащих звуки со смыкающей артикуляцией, со сближением действующих органов произношения и т. п. [Газов-Гинзберг 1965: 75–76].

Наконец, против принципа произвольности языкового знака выдвигается положение о так называемом звуковом символизме, заключающееся в том, что имеется определённая ассоциация между типом звуков или звуковым составом слов, с одной стороны, и их эмоциональной окраской и даже понятийным содержанием, с другой стороны [Fröhlich 1925; Sapir 1929; Jakobson 1941; Иванова-Лукьянова 1966: 136–143; Орлова 1966: 144–154].

Все перечисленные выше соображения, может быть, и справедливы для эпохи возникновения и начального периода развития языка [Газов-Гинзберг 1965] (хотя и против этого говорят акустические характеристики звуков, издаваемых высшими животными), в современных же языках в их пользу говорит, как указывалось выше, весьма небольшая часть лексики. Не меньшее количество фактов можно привести против теории звукового символизма.

Так, например, слова *веселье, радость, смех, восторг, хохот*, относящиеся к одной сфере, весьма различны по звуковому составу. Неоспоримым является и тот факт, что одни и те же предметы и явления обозначаются в разных языках абсолютно непохожими по звучанию словами. Более того, и в пределах одного языка существуют омонимы с весьма далёкими значениями, а также и синонимы, не имеющие ничего общего в звуковом облике (ср. *око* и *глаз*).

Ещё Соссюр справедливо указывал на то, что принцип произвольности знака объясняет и устойчивость звуковой оболочки, и её изменчивость. В самом деле, как об этом свидетельствует история всех языков, с одной стороны, план выражения слова может остаться неизменным, несмотря на развитие его значения, на появление новых производных значений; с другой стороны, при сохранении старого значения меняется план выражения [Соссюр 1916/1933: 81–84]. Если бы последний был предопределён планом содержания, это не могло бы иметь места.

Условность языкового знака ни в какой степени не противоречит возможной мотивированности его. Эти свойства знака относятся к разным планам. Первое свойство характеризует отношения между планом выражения и планом содержания; второе — касается только плана содержания: оно говорит о связи значения знака в целом со значением образующих его элементов, являющихся более простыми единицами. Мотивированными будут, например, русские слова: *вторник* (второй день не-

дели) и *среда* (средний день недели), так как они содержат соответственно морфемы *втор-* и *сред-*. Немотивированно в отличие от них слово *суббота*, в котором нет морфемы, объясняющей значение этого слова.

Утверждение Соссюра, что в случаях типа *вторник*, *среда* и т. п. мы имеем ограниченную произвольность [Соссюр 1916/1933: 127–129], свидетельствует о смешении им двух разноплановых противопоставлений: произвольность — непроизвольность и мотивированность — немотивированность. Во всех трёх приведённых словах невозможно обнаружить связи между их значениями и теми звуковыми последовательностями, которые образуют их план выражения, а это и означает, что они обладают свойством произвольности, или условности.

Всё сказанное выше является подтверждением и раскрытием следующих известных слов К. Маркса: «Название какой-либо вещи не имеет ничего общего с её природой. Я решительно ничего не знаю о данном человеке, если знаю только, что его зовут Яковом» [Маркс 1867/1963: 110].

Условность связи плана выражения с планом содержания в языковом знаке определяет известную самостоятельность, автономность первого, то есть звуковой стороны языка. Эта автономность имеет громадное значение. Благодаря ей число звуковых единиц языка не должно совпадать и не совпадает с числом значащих единиц; оно всегда бывает неизмеримо меньше последнего [Мартине 1960/1963: 378]. Комбинации ничтожного числа фонем (нескольких десятков) оказывается достаточно для оформления сотен тысяч слов. Ясно, что, если бы каждое слово имело неповторимый во всех элементах звуковой облик, язык не мог бы развиваться до современного состояния, а оставался бы на уровне тех примитивных систем сигналов, которыми обладают животные.

Автономность звуковой стороны обнаруживается во многих фактах, связанных с функционированием языка в обществе. Прежде всего, ею объясняется сама возможность существования так называемого звукового письма, сущность которого состоит в том, что на письме отображается именно звуковая сторона, а не значащие единицы, как это имеет место в разных видах идеографического письма. Благодаря такой автономности звуковой облик слов осознаётся сам по себе носителями соответствующего языка.

Это делает возможным узнавание звукового (точнее — фонемного) состава таких слов, которые неизвестны слушателю, а также и образование так называемых сложносокращённых слов, составленных из начальных фонем их компонентов. Конечно, слово *СНО*, например, мотивировано тем, что оно образовано от сочетания — *студенческое научное общество*, однако составляющие это слово /s/, /n/, /o/ выделены не как значащие единицы, которыми они здесь не являются, а просто как фонемы (подробнее см. [Зиндер 1960: 53–55]).

Признание автономности звуковой стороны (плана выражения) языка лежит в основе той теории фонемы, которая будет изложена в следующей главе. О такой автономности Щерба писал ещё в своей книге о русских гласных, в которой проблема фонемы впервые в истории науки рассматривается с относительной обстоятельностью [Щерба 1912: 6].

Глава 1. Поток речи и фонема

А. Общие вопросы членения потока речи

Первое утверждение, с которого начинается учение о фонеме, состоит в том, что звук как лингвистическая единица не совпадает со звуком в акустическом или физиологическом смысле. В этом отношении фонологи самых различных школ единодушны.

Над вопросом о том, что представляет собой тот «звук», с которым соотносится фонема (точнее — оттенок фонемы или аллофон, вариант, аллофонема)¹, и который называют звуком речи, а в последнее время вслед за американскими дескриптивистами — «фоном», языковеды обычно не задумываются. Считается, что он дан в непосредственном опыте и обладает определёнными объективными признаками, а потому не нуждается в специальном рассмотрении в лингвистическом аспекте.

В действительности дело обстоит гораздо сложнее. Даже достаточно короткий отрезок речи, определяемый носителями данного языка как один звук, отличается большей или меньшей неоднородностью; о таких звуках говорят как о квазистационарных звуках, а не как о подлинно стационарных. В некоторых случаях это не требует специальных доказательств. Так, напри-

¹ В настоящей работе термины оттенок, аллофон, аллофонема и вариант употребляются как абсолютные синонимы.

мер, без дальнейшего объяснения очевидно, что взрывные согласные состоят, по крайней мере, из двух частей — смычки и взрыва. В других случаях неоднородность звука речи обнаруживается только при более внимательном анализе, но она обратила на себя внимание исследователей уже давно. В классической фонетике говорили об опорных и переходных звуках, возникающих между опорными в речевой цепи вследствие адаптации соседних артикуляций.

Неоднородность особенно гласных, не зависящая от соседних звуков, была обнаружена объективно при экспериментально-фонетическом анализе. О ней говорил Щерба в «Русских гласных» ещё в 1912 году [Щерба 1912: 12–13]. Позднее, в тридцатых годах А. Джемелли и Дж. Пастори, исследовавшие при помощи осциллографа гласные итальянского языка, постоянно наблюдали, что, как они пишут, «гласный, произнесённый в слове, имеет начальную и конечную фазу, образованные нетипичными или неполными периодами, которые должны играть определённую роль в разборчивости (понятности) слова» [Gemelli, Pastori 1934: 8]. Новейшие акустические исследования, новая аппаратура — спектрографы типа «Видимая речь» — сделали неоднородность звука речи особенно наглядной.

Сказанное справедливо и с точки зрения артикуляции звуков. Акустической неоднородности соответствует изменчивость в положении произносительных органов; более того, можно сказать, что первая обусловлена второй. В артикуляции звуков, как и в акустической картине, невозможно найти периодов полной стабильности, особенно если учесть положение не одного какого-нибудь, а всех произносительных органов. Нельзя забывать того, что все они обязательно участвуют в артикуляции любого звука, ибо в каждый данный момент каждый из произносительных органов не может не занимать какого-нибудь положения. Наша классификационная номенклатура не должна вводить в этом отношении в заблуждение. Когда мы говорим, что [b] это губной звук, то это, конечно, не означает того, что язык при его образовании не играет никакой роли: поскольку он имеется в произносительном аппарате, он обязательно должен находиться в той или иной части полости рта. И действительно, нетрудно заметить, что при произнесении слога [ba] он прижимается к нижней челюсти, несколько продвигаясь вперёд, а при произнесении слога [bu] отодвигается назад, и при

этом задняя часть его поднимается к мягкому нёбу. Разумеется, в зависимости от этого оба «b» будут несколько различаться и в акустическом отношении.

Таким образом, приходится признать, что при говорении все активные произносительные органы всё время находятся в движении. Это обстоятельство наглядно подтверждается кинорентгеновскими снимками артикуляции речи, используемыми в настоящее время в экспериментально-фонетических исследованиях. В своей получившей широкую известность книге о коартикуляции П. Менцерат и А. Лачерда писали: «догма об экскурсии, выдержке и рекурсии должна пасть. Существуют (по крайней мере, мы пока не имеем основания этого отрицать) определённые места или районы артикуляции, но они при говорении пробегаются» [Menzerath, Lacerda 1933: 58].

Отсюда вытекает положение о неделимости потока речи на отдельные звуки. Один из крупнейших представителей так называемой экспериментальной фонетики — Э. У. Скрипчур — однажды писал: «Итак, основное положение состоит в том, что предложение образует непрерывное единство, и что отдельных слов, отдельных слогов и отдельных звуков не существует. Господствующее представление о том, что слово или предложение построено путём соединения отдельных звуков, должно быть перевёрнуто. Слово или предложение является непрерывным рядом (континуумом) звуков, из которого можно произвольно вырвать различные фазы, раскрываемые как отдельный звук» [Scripture 1925: 282–283].

Не менее решительно высказывались в этом смысле Менцерат и Лачерда; мы читаем у них следующие строки: «Части предложения между двумя паузами, будучи артикуляторно переплетёнными, задуманы как целое и точно так же воспринимаются; короче: они являются синкинетиически образованными артикуляторными целыми и синтетически воспринимаемыми акустическими (или визуальными) образами» [Menzerath, Lacerda 1933: 61–62] (ср. также: Menzerath 1935: 255).

Отсутствие объективных признаков, которые позволили бы вычленить отдельный звук из отрезка речи, подчёркивается и современными исследователями. Так, один из крупнейших современных акустиков речи Г. Фант опубликовал в сотрудничестве с Б. Линдбломом работу, в которой показал, что спектрограмма английского словосочетания *Santa Claus* с акустической

точки зрения должна быть разделена на 18 сегментов, тогда как оно содержит всего лишь 9 фонем (звуков речи): при этом границы между сегментами не могут считаться границами между фонемами [Fant, Lindblom 1961] (ср. также [Lenneberg 1967: 93–94; Pilch 1968: 79–88]). То обстоятельство, что акустическая сегментация не совпадает с языковой, видно и из следующих слов Г. Фанта: «В результате подобной чисто акустической сегментации может быть получено некоторое число минимальных звуковых единиц, имеющих размер, равный размеру звука речи или меньший... Число таких последовательных во времени звуковых единиц, как правило, больше числа символов фонетической или фонематической транскрипции. При желании согласовать эту транскрипцию со спектрографическими записями исследователь вынужден следовать некоторым условным правилам соответствия акустических единиц с теми или другими графическими знаками» [Фант 1960/1964: 35].

Из всего сказанного ясно, что анализ артикуляторного и акустического аспектов речи, выполненный при помощи достаточно современных методов, не даёт критерия для членения потока речи на отдельные звуковые единицы, а также и для определения их дальнейшей неделимости на более короткие отрезки. Поэтому Скрипчур, считавший экспериментальную фонетику самостоятельной и притом лингвистической дисциплиной, был по-своему прав, когда писал: «Нужно всю традиционную фонетику предыдущего столетия отвергнуть как необоснованную. Всюду, куда проник эксперимент, обнаружилась полная несостоятельность этой фонетики во всех пунктах... Главная задача современной фонетики состоит в выработке новых понятий. Вместо старых понятий, таких, как звук речи, слог, такт и т. п., которые вместе и в отдельности суть лишь призрачные иллюзии и вообще не имеют реального существования, нужно попытаться на основе экспериментальных данных построить новые реальные понятия» [Scripture 1932: 171–172].

Как это ни удивительно, многие лингвисты-фонологи как будто не замечают всего этого и продолжают стоять на той точке зрения, что звуки речи определены до них и задача лингвиста сводится лишь к тому, чтобы установить их языковую функцию. Очень показательны в этом отношении следующие слова одного из выдающихся русских фонологов П. С. Кузнецова: «Любая речь состоит из некоторой последовательности

звуков речи. Любой звук речи может быть отграничен от звука речи предшествующего и последующего... Несмотря на наличные артикуляционные и акустические переходы от одного звука к другому, такое разграничение проведёт любой говорящий на данном языке, с большей степенью точности наблюдатель-лингвист, ещё с большей степенью точности — прибор. Возможность выделения звука речи в речевом потоке я принимаю как всегда осуществимую» [Кузнецов 1959: 30–31]. В этом высказывании, полностью игнорирующем установленные современной наукой факты, справедливо лишь то, что носитель языка способен членить родную речь на отдельные звуки. Однако то, чем он при этом руководствуется, представлено в искажённом виде. Вполне естественно заранее предположить, что если это не артикуляция звуков и не их акустическая характеристика, то фактор, обуславливающий членение, должен иметь лингвистическую природу.

Обращаясь к выявлению такого фактора, нужно, прежде всего, сказать, что деление на звуки — это не единственное членение. Ещё Бодуэн де Куртенэ различал два вида делимости потока речи: «постепенное деление с точки зрения фонетической, произносительно-слуховой» и «постепенное деление с точки зрения семасиологически-морфологической» [Бодуэн де Куртенэ 1917: 52]. При этом он, однако, недостаточно чётко различал линейную и структурную членимость. Так, в делимости первого вида он в качестве следующей за фонемой и последней степени членения называл «отдельные свойства фонемы»²; в делимости второго вида вслед за морфемой — «психические (морфологически-семасиологические) составные части морфем» [там же, с. 53].

Вероятно, независимо от Бодуэна о «двойном членении языка» писал А. Мартине [Мартине 1960/1963: 376]. Первое — членение на единицы, обладающие значением и звуковой формой. Такие единицы являются знаками (минимальными); обычно их называют морфемами, но Мартине предпочитает термин «монемы». Второе — членение не знака в целом, а только его звуковой стороны на единицы, «каждая из которых способна отличать одно слово... от других» [там же, с. 378]; эти единицы называются фонемами.

² Впоследствии он стал называть эти свойства «кинемами» и «акусами».

Иную точку зрения мы находим у А. А. Реформатского, хотя о несогласии с идеей двойного членения он прямо не говорит. Для него деление речи на предложения, слова, морфемы и фонемы — это явление одного порядка. Морфему он не определяет, как кратчайшую в каком-то смысле единицу. Более того, он неоднократно пишет о том, что морфема (не звуковая её сторона) делится на фонемы: «Фонемы — минимальные единицы языка, так как разделить их дальше так, как можно делить предложение на слова, слова — на морфемы, морфемы — на фонемы, нельзя» [Реформатский 1967: 211–212].

Согласиться с такой трактовкой сегментации речи невозможно, так как единицы, обладающие значением, а морфемы как знаки и являются таковыми, не могут образовываться из единиц, лишённых значения, — фонем. Вполне понятно, что из сочетания морфем получаются слова, а из сочетания слов — предложения. Из более элементарных значащих единиц (знаков) получаются более сложные. Ясно и обратное, что из единиц, ничего не означающих, образоваться нечто значащее не может, и если говорить об отношении фонем к морфемам, то можно сказать лишь, что звуковой облик морфем складывается из составляющих её фонем³.

Итак, членение потока речи имеет двойственный характер: деление на значащие единицы принципиально отличается от деления на незначащие звуковые единицы. Вместе с тем, было бы ошибкой думать, что между ними нет никакой связи. Напротив, если речь идёт о сегментации, например, на морфемы (равно как и на другие значащие единицы), то подразумевается одновременно и смысловая и звуковая сегментация, поскольку морфема представляет неразрывное единство означаемого и означающего. Когда мы делим слово *водник* на морфемы, то мы разделяем его на корень и суффикс с их значениями и вместе с тем — на звуковые комплексы /vod/ и /n'ik/, связанные с этими значениями. Иными словами: членение на морфемы невозможно без членения фонетического. Можно сказать ещё и так: членение на морфемы влечёт за собой членение фонетическое. Остаётся ответить на вопрос, почему происходит сегментация звукового облика морфемы на отдельные единицы? Что, например, обуславливает разложение /vod/ на /v/, /o/, /d/?

³ Объяснить точку зрения А. А. Реформатского можно тем, что он, по-видимому, не признаёт двухсторонней природы языкового знака.

Бодуэн не давал ответа на этот вопрос; впервые на него ответил Щерба ещё в «Русских гласных». Позднейшее его высказывание о фонетической сегментации речи и о факторах, её определяющих, гласит: «Здесь надо повторить то же, что было сказано о словах в связной речи и что является здесь справедливым в ещё большей степени: ничто не отделяет один звук от другого, с ним в речи соседящего; каждый звук непосредственно переходит в другой без каких-либо резких скачков, так что печатный текст, состоящий из отдельных букв, не даёт в сущности истинной картины реального речевого процесса. Однако, поскольку отдельные звуки речи служат для различения смысла слов (ср. *стол* и *стул*, *дом* и *том*) и поскольку отдельные звуки могут иметь самостоятельное значение (напр.: *с* — значение предлога, *а* — значение вопросительной частицы, *-л* — значение прошедшего времени в глаголах, *-т* — значение 3-го лица единственного и множественного числа в глаголах и т. д.), постольку справедливо будет всё же сказать, что всякая речь распадается на отдельные звуки или состоит из отдельных звуков, тем более, что это имеет и определённое физиологическое основание» [Щерба, Виноградов 1952: 12].

Подводя итог всему вышеизложенному, можно сказать, что отдельный звук речи (фон) не только не дан в акустической картине, но и вычленение его из потока речи является результатом действия чисто языкового, а не артикуляторно-акустического механизма. То же самое относится и к перцептивному аспекту: уверенность носителей русского языка в том, что в слове *так*, например, имеется три звука — /t/, /a/, /k/, которые они с лёгкостью воспроизведут, основана на владении (интуитивном, конечно) лингвистическим механизмом членения речи и идентификации единиц членения (подробнее об этом будет сказано несколько ниже). При восприятии чужого языка, когда слушающий анализирует услышанное в соответствии с фонологической системой родного языка, возможны ошибки и недоразумения; так, немец воспримет русское слово /r'at/ как /r'jat/ и не отличит /l'ot/ от /l'jot/.

Таким образом, членение звуковой последовательности в речи — это членение на звуковые единицы (фонемы или точнее — аллофонемы), а не на артикуляторно-акустические. Звук речи, фон вторичен по отношению к фонеме. Следовательно, господствующее в языковедении представление о соотношении

этих понятий должно быть перевернуто. Сказанное хорошо согласуется с основным положением учения о фонеме, о котором шла речь в начале этой главы.

Б. Фонема как кратчайшая звуковая единица

Прежде чем обратиться к рассмотрению лингвистических оснований членения потока речи, нужно оговорить следующие моменты.

1. Не следует смешивать внутренний языковой механизм, обуславливающий сегментацию, с теми методами и приёмами, которыми должен пользоваться лингвист, стремящийся выявить этот механизм. Иными словами: надо отличать то, чем определяется сегментация, от того, как определить, имеется ли она в данном случае или нет; хотя второе в известной степени зависит от первого. К сожалению, в фонологической литературе эти два момента не разграничиваются. Обычно рассматривается процедура, которую должен соблюдать исследователь (таковы, например, правила Трубецкого, о которых речь будет ниже), а не внутриязыковые факторы, определяющие членимость.

2. Сегментация звукового континуума на кратчайшие единицы и неделимость последних — это две стороны одной и той же проблемы. В самом деле, когда мы говорим, что слово /tak/, например, состоит из трёх звуков (точнее — фонем или аллофонем), то это одновременно означает, что каждый из них не делится на более короткие единицы.

3. Проблема сегментации заключается не в выявлении физических границ между звуками речи, которых, как мы видели, и не существует, а лишь в том, чтобы установить число фонем в данной последовательности. Возвращаясь к приведённому выше примеру, мы обнаруживаем, что слово /tak/ разлагается на три далее неделимые единицы; вопрос же о том, проходит ли граница между /t/ и /a/ в месте взрыва или в момент появления голоса, в данном случае не имеет значения.

Каковы же те языковые факторы, которые обуславливают сегментацию звукового облика знаков, выделению отдельных звуков речи, аллофонем? Можно ли считать, что таким фактором является наличие соответствующих фонологических противопоставлений в данном языке, как это думал Трубецкой и многие вслед за ним? [Трубецкой 1960: 41] (ср. также: Мартине 1960/1963: 378; Якобсон, Халле 1957/1962: 231; Pilch 1968: 88—

91]). Чтобы ответить на этот вопрос, нужно проанализировать рассуждения Трубецкого, которые сводятся к следующему: звукосочетание /so/ в русском языке, например⁴, членится на /s/ и /o/, потому что мы находим такие слова, как /sok/ и /suk/, с одной стороны, и /sok/ — /tok/, с другой стороны. Первое противопоставление показывает, что согласный /s/ не обязательно сочетается в русском языке с гласным /o/; второе показывает, что /o/ не обязательно следует за /s/. Таким образом, поскольку каждый из этих звуков речи встречается в русском языке независимо от другого, постольку сочетание /so/ и членится на эти две единицы⁵. Нетрудно увидеть, что, хотя используются факты языка, языковой обусловленности при этом не обнаруживается. Наличие слов /sok/, /suk/, /tok/ свидетельствует лингвистически лишь о том, что в русском языке эти три звукосочетания представляют три разных фонологических единицы; то же, что каждая из этих единиц, подразделяется на более мелкие фонологические единицы, лингвистически противопоставлениями не определяется. Рассуждения Трубецкого имеют чисто психологический смысл. Можно лишь сказать, что звук /s/ из слова /sok/ ассоциируется по сходству с /s/ из слова /suk/, а /o/ из слова /sok/ — с /o/ из слова /tok/, и что это делит /so/ на два звука. Недаром Трубецкой в более ранней работе говорит в аналогичном случае об ассоциативном анализе, а не о противопоставлениях [Trubetzkoj 1929: 39]. Сам Трубецкой, кроме того, трактуя вопрос об определении монофонемности или бифонемности того или иного сочетания (подробнее об этом ниже), устанавливает правила, никак не связанные с анализом по противопоставлениям [Трубецкой 1960: 62–73].

Трубецкой, как и многие другие фонологи, которые вслед за Трубецким считают фактором, определяющим сегментацию, наличие противопоставлений, не замечает того, что само сопоставление соответствующих звуковых единиц (отдельных звуков) уже предполагает их отдельное существование. По существу, следовательно, речь в таком случае идёт о сегментации не некоего континуума, а определённого сочетания единиц;

⁴ Примеры из немецкого языка, которые использует Трубецкой, заменены здесь русскими примерами.

⁵ Рассуждения эти не принадлежат Трубецкому, но они вытекают из его противопоставлений.

иными словами, членение предполагается заранее заданным. Фонологу с этой точки зрения остаётся лишь установить, соответствует ли фонеме отдельный звук или же сочетание звуков. Первым, кто выразил эту исходную позицию, был С. К. Шаумян, который писал следующее: «Физическое членение речевого потока на отдельные звуки, т. е. на отдельные акустические сегменты, есть объективно устанавливаемый фонетический факт. Задача фонолога заключается в том, чтобы, принимая этот фонетический факт за исходную ситуацию, выделить цепочки фонем на синтагматической оси языка» [Шаумян 1962: 30].

Здесь необходимо отметить следующее. В этом высказывании содержится ошибочное представление об объективной членимости речевого потока (см. выше, с. 889 и сл.), но оно интересно тем, что вскрывает подоплёку соответствующего понимания сегментации.

Обращаясь к выявлению подлинно языковых факторов сегментации речи, уместно вспомнить следующие слова Щербы: «Так как основной интерес речи лежит в смысловых представлениях, то звуковые нормально не находятся в светлом пункте сознания. Казалось бы, с этой точки зрения, что и анализ звуковых представлений нормально нами не производится, и фонетическая делимость есть результат в значительной степени научного мышления. Но дело в том, что элементы смысловых представлений оказываются зачастую ассоциированными с элементами звуковых представлений, так, *l* в словах *пил*, *был*, *выл*, *дала* ассоциировано с представлением прошедшего времени; *a* в словах *корова*, *вода* ассоциировано с представлением субъекта; *и* в словах *корову*, *воду* с представлением объекта и т. д., и т. д. Благодаря подобным смысловым ассоциациям элементы наших звуковых представлений и получают известную самостоятельность» [Щерба 1912: 6–7].

Из этих слов можно сделать вывод, что членение плана выражения на отдельные звуковые единицы (фонемы, аллофонемы, звуки речи или фоны) обуславливается в первую очередь способностью такой единицы выступать в качестве экспонента языкового знака в данном языке или же тем, что граница между соседними знаками (словами, морфемами) проходит внутри соответствующего звукосочетания. Так, в звуковой последовательности /'soknam'i/ с *окнами* согласный /s/ отделяется от по-

следующих звуков, так как является экспонентом самостоятельного слова — предлога, существующего в русском языке независимо от слова *окно*. Точно так же в звуковой цепочке /kal'e'som/ *колесом* сочетание /so/ разделяется, так как /s/ относится к корню слова, а /o/ к окончанию. Наличие морфологической границы между соседними звуками является подлинно лингвистическим критерием сегментации звуков. Морфологическая делимость, естественно, должна быть признана сильнейшим фактором, обуславливающим сегментацию звуковой стороны языка. Несмотря на известную автономность последней, она, конечно, связана с планом содержания, который является господствующим в языке.

Естественно возникает вопрос, как обстоит дело в таких случаях, когда морфологической границы нет; например, в том же сочетании /so/, когда оно находится в словах типа /sok/. Совершенно очевидно, что деление имеет место и в таких ситуациях; это с обязательностью вытекает из системного характера языка. В системе все элементы находятся в определённой связи между собой, поэтому одинаковые явления, встречающиеся в разных частях системы, должны трактоваться одинаково; необходимо только, чтобы они были, действительно, одинаковыми. В рассматриваемом случае это означает, что фонетические характеристики сочетания должны быть одинаковыми, независимо от того, членится ли оно морфологически или не членится.

Следовательно, /so/ в слове /sok/ в аналогичных случаях будет делиться на /s/ и /o/ при условии, что оно фонетически однородно с /so/ в слове /kal'e'so/ и в других словах, где морфологическая граница проходит внутри этой звуковой последовательности. Следует подчеркнуть, что дело идёт именно о фонетическом сходстве, а не об акустическом. Во-первых, последнее трудно определимо; во-вторых, для лингвистики важны сходства и различия, не просто объективно существующие, а соответствующим образом определяемые носителями данного языка.

Язык — это орудие общения. Поэтому в речи, являющейся двусторонним актом, роль слушающего столь же важна, как и роль говорящего. Объективное описание речи не может ограничиваться чисто акустическим описанием того, что было произнесено говорящим (или обычно произносится говорящими на данном языке); оно должно учитывать и то, как воспринимается сказанное слушающими.

Восприятие речи представляет собой чрезвычайно сложный процесс, так как он не сводится к физиологической способности человека различать и узнавать простые и сложные звуки. Восприятие речи, распознавание её, означает идентификацию услышанного с более сложными (фразами, словами) или более простыми (слогами, фонемами) единицами данного языка. Оно аналогично абсолютному слуху, при котором человек, обладающий таковым, узнаёт абсолютную частоту услышанного звука без сопоставления его со звуком другой частоты.

В отношении родного языка или языка, которым он вполне владеет, человек обладает абсолютным слухом, тогда как в отношении незнакомого языка ему приходится обходиться относительным слухом. Хорошо известно, что носители русского языка легко различают, например, закрытое /e:/ и открытое /ɛ/ немецкого языка, т. е. слышат разницу между ними, когда их произносят одно за другим. Более того, если обратить на это их внимание, они определяют, какое из них является открытым, а какое — закрытым. Однако, когда произносятся не оба эти гласных подряд, а только один из них (безразлично — в слове или изолированно), то их опознавание, как правило, не представляющее никаких трудностей для тех, кто владеет немецким языком, оказывается затруднительным, например, для носителей русского языка.

Причину такого явления с лингвистической точки зрения легко понять. Она кроется в том, что в немецком языке указанные гласные противопоставлены как две фонемы, тогда как в русском языке они представляют одну фонему, являясь её аллофонами. Таким образом, дело заключается в том, что человек обладает абсолютным фонетическим слухом только в отношении родного или хорошо знакомого языка. Это можно объяснить только тем, что фонетический слух воспитывается фонематической системой родного языка.

Итак, возвращаясь к проблеме членения некоей звуковой последовательности, мы можем сказать, что такое членение имеет место во всех случаях, когда данная последовательность воспринимается носителями изучаемого языка как фонетически однородная с последовательностью, возникающей на стыке морфем в широком понимании этого явления, т. е. не только в пределах слова, но и при сочетании слов, особенно служебного со знаменательным.

Деление на морфемы является, как сказано выше, самым сильным фактором, обуславливающим фонетическую членимость, ибо невозможно себе представить, чтобы одна и та же звуковая цепочка и делилась, и не делилась на части одновременно, если мы рассматриваем её в одном аспекте (в данном случае — лингвистическом). Вместе с тем морфологическая делимость не единственный лингвистический фактор сегментации на звуки. Вычленение отдельного звука речи, т. е. представителя той или иной фонемы, может обуславливаться и тем, что он служит экспонентом морфемы или слова в данном языке. Таковы /s/ и /i/, являющиеся в русском языке предлогом и союзом, или же /a/ и /e/, выступающие в качестве падежных окончаний, и т. п.

Отдельный звук речи может оказаться связанным со значением и благодаря этому вычленяться из звуковой последовательности также и в том случае, когда он используется в функции внутренней флексии, как это имеет место в арабском языке, или же является членом морфологизованного чередования. Примером последнего могут служить /e//i/ и /o/ в русском языке: см. /n'esu/n'isu — n'os/, /v'ezu/v'izu — v'os/, где /e//i/ связывается со значением настоящего времени, а /o/ со значением прошедшего времени. Ещё большая степень морфологизации свойственна чередованиям гласных в германских языках. Ср. так называемый умлаут в немецком языке, при котором «умлаутированные» гласные всегда связаны в имени существительном с множественным числом в тех корневых морфемах, которые имеют в единственном неумлаутированные гласные. Например, *Vater, Sohn, Tochter* — *Väter, Söhne, Töchter* и т. п. Эти же гласные в глаголах отличают конъюнктив претерита от индикатива; например: *gaben* — *gäben, froren* — *frören, wurden* — *würden* и т. п.

Определённое грамматическое значение имеет и аблаут в тех же германских языках. В таких рядах глаголов, как немецкие *binden* — *band, klingen* — *klang, singen* — *sang*, английские *find* — *found, bind* — *bound*, одни гласные связываются со значением настоящего, а другие — со значением прошедшего времени.

Сходные рассуждения можно найти у Мартине, хотя значение соответствующих фактов для сегментации у него не выявлено [Мартине 1960/1963: 452–453]. Вычленение гласных, происходящее в рассмотренных и аналогичных им случаях,

ведёт благодаря «остаточной выделимости» к обособлению корневых согласных как предшествующих гласному, так и следующих за ним.

Своеобразный случай семантизации чередований имеется в нивхском языке, в котором начальные смычные согласные корневой именной морфемы чередуются с начальными щелевыми в однокоренных глаголах; ср., например: *p'uf* 'пила', *t'af* 'крюк', *k'ə* 'топор' и *fuvd* 'пилить', *favd* 'захватить крюком', *xəvd* 'рубить' и т. п. [Крейнович 1937: 52–53].

Подтверждение того, что при семантизации чередований соответствующие фонетические единицы приобретают известную автономность, становятся языковыми единицами, мы находим, как об этом писал Щерба в «Русских гласных», в явлениях аналогии. Мы читаем там следующие строки: «Наилучшим доказательством этой самостоятельности элементов наших звуковых представлений служат многочисленные факты истории разных языков, известные под названием аналогических образований (*Analogiebildungen*), например: мы говорим *tr'os* вместо *tr'as* (*трясь*) при *tr'esu*, *s'ok* вместо *s'ek* (*с'ёкь*) при *s'eku* и т. д. под влиянием таких случаев, как *n'os* при *n'esu*, *gr'op* (*гребь*) при *gr'ebu*, *st'er'ok* (*стережь*) при *st'er'egu* и т. д. «Если бы о прошедшего времени не выделялось нашим сознанием из целого слова, то никакая „аналогия“ не была бы возможна, как её не бывает при изолированно стоящих словах, где нет достаточных стимулов для выделения каких-либо элементов» [Щерба 1912: 7].

Все изложенные здесь соображения относительно механизма членения речевого потока говорят о том, что в разных языках сегментация звуко сочетаний, представляющихся фонетически сходными, может оказаться совершенно различной. И, в частности, минимальной единицей будет не «отдельный звук», а слог. Опять-таки Щерба писал об этом следующее: «...хотя в ближе к нам стоящих языках *s*, *k*, *t*, *š* и т. д. и являются самостоятельными фонемами, но это отнюдь не является обязательным; можно себе представить язык, в котором все слоги открытые и состоят из одного какого-либо согласного и гласного *a*, и в таком языке фонемами будут *sa*, *ka*, *ta*, *ša* и т. д. — *a* не будет отделяться сознанием. В известном отношении к подобному состоянию, по-видимому, приближался древнеяпонский язык, что и отразилось на японском алфавите»

[там же, с. 8]. Ученики Щербы — Е. Д. Поливанов, а за ним А. А. Драгунов — показали, что в китайском языке наблюдается аналогичная картина. Поливанов предложил применить в таких случаях понятие «силлабемы» [Иванов, Поливанов 1930: 5]. В последнее время к указанным выводам пришла и М. В. Гордина в отношении вьетнамского языка [Гордина 1966]. Такая точка зрения нашла своё выражение в том, что говорят о языках особого «слогового» строя.

Едва ли мы можем сомневаться в том, что на заре возникновения человеческого языка существовали нерасчленённые звуковые комплексы, материально сходные со слогом, поскольку именно слог является минимальной произносительной единицей. Первоначально речь должна была представлять собой отдельные слогаобразные возгласы. Первыми языковыми звуковыми элементами на пути развития членораздельности речи (а под членораздельностью следует понимать такое состояние, когда единицей сообщения становится цепочка элементов, более или менее свободных относительно друг друга), должны были быть именно слоги, т. е. контрастно построенные из консонантных и вокалических элементов фонетические единицы. Роль вокалической части при этом должна была быть чисто слогаобразующей: функция гласного состояла только в образовании вершины слога.

Если справедлива теория, согласно которой в протоиндоевропейском языке была только одна гласная фонема (а есть веские основания думать, что так оно и было [Тронский 1967: 41–47]), то это означает, что простейшим звуковым элементом в нём был слог. Правильно было бы говорить в таком случае, что гласный вообще не представлял самостоятельной фонологической единицы, а был лишь средством реализации силлабофонемы. Таким образом, по существу, гипотеза о моновокаличности протоиндоевропейского языка не противоречит положению Трубецкого о том, что «языков с одной единственной гласной фонемой, видимо, нет» [Трубецкой 1960: 107]. Поскольку протоиндоевропейский язык был несомненно достаточно развитым языком, постольку придётся признать, что примитивный фонетический строй может сохраняться в течение весьма долгого времени.

Если в дальнейшем большинство языков теряет характер «слогового строя», то всё же в них имеются звуковые единицы,

которые фонетически могут быть определены как сложные, но которые являются неделимыми с точки зрения фонологической системы данного языка. К таким единицам относятся, например, дифтонги и аффрикаты, о которых речь будет впереди.

Как указывалось выше, неделимость звуковой единицы во времени на более короткие части, или, как говорят, её линейная неделимость, — это обратная сторона того же механизма, что и механизм сегментации. Следовательно, и она обусловлена не артикуляторно-акустическими характеристиками, а только лингвистически. неделимой данная единица будет в том случае, если внутри неё никогда не проходит морфемная граница и она всегда выступает как единое целое; так, русское /o/, несмотря на его дифтонгоидный характер, представляет одну фонему, потому что [u]-образное начало и квазистационарная часть этого гласного всегда входят в одну морфему. Этим, т. е. целостностью этого гласного с точки зрения смысловых отношений русского языка, и объясняется то, что говорящие не замечают его дифтонгоидности.

В. Вариативность фонемы

В результате сегментации выявляется, сколько фонем содержится в данном речевом отрезке; так, например, ясно, что слово *соска* /soska/ разлагается на пять фонем, а слово *сок* /sok/ на три, но остаётся неясным, сколько разных фонем представлено в этих словах; представляют ли, скажем, все три [s] одну фонему или нет; такой же вопрос встаёт и в отношении обоих [k], а также и всех гласных. Иначе говоря, сегментацией определяется количество фонем той или иной языковой единицы, но она не определяет того, как и где это фонемы, т. е. их идентификацию. Механизм членения не определяет количества фонем языка, его инвентарь фонем или иначе — парадигматическую идентификацию фонем. Правда, момент идентификации неизбежен и при членении. Как мы видели, согласный /s/ отделяется от гласного /o/ в слове *сок* на том основании, что /so/ в этом слове тождественно фонетически начальному сочетанию в предложной конструкции *с окон* и сочетанию /so/ в слове *колесо*, в которых между согласным и гласным проходит лингвистическая граница. При этом происходит и отождествление соответствующих фонем, входящих в это сочетание. Однако здесь мы имеем дело с единицами, образующими одинаковый фонетический кон-

текст, а именно /so/, при парадигматической же идентификации фонем вопрос стоит об отождествлении или различении звуковых единиц, выделенных из различных фонетических контекстов: например, согласного из сочетания /so/ с согласным из сочетания /sk/. Идентификация одних фонетических единиц и различение других регулируется иными факторами, чем сегментация, но и в этом случае определяющим является лингвистический аспект. Как и при анализе механизма членения, речь прежде всего пойдёт не о том, какими методами должен пользоваться исследователь, чтобы установить фонемные и нефонемные звуковые различия, а о внутренних факторах, обуславливающих единство аллофонов одной фонемы⁶ (или иначе — парадигматическую идентификацию фонем) и, наоборот, противопоставление аллофонов разных фонем.

Для того, чтобы понять внутренний механизм парадигматической идентификации фонем, т. е. понять, что объединяет аллофоны одной фонемы, а следовательно, и разъединяет аллофоны разных фонем, нужно подойти к вопросу с противоположной стороны, а именно — проанализировать причины аллофонического варьирования.

Исходным должно быть то положение, что одна и та же языковая единица (удобнее всего оперировать минимальной единицей — морфемой) имеет тенденцию всегда быть равной самой себе не только в плане содержания, но и в плане выражения. Это положение вытекает из того, что оба плана представляют единство. В самом деле, вполне естественно ожидать, что одно и то же слово или морфема в разных контекстах и в произношении разных людей имеет один и тот же фонемный состав⁷, а если это не имеет места, то объяснения такого положения вещей следует искать либо в диахронии, либо в действии экстралингвистических факторов. Теория фонетических альтернатив Бодуэна и строилась им, исходя из того положения, что первоначально каждая морфема обязательно характеризуется постоянным составом фонем. В звуковой ре-

⁶ В практике фонологических работ эти два момента, к сожалению, не различаются.

⁷ Сказанному не противоречат и те случаи, когда фонемный состав варьирует, как, например, в русских словах: *калоши* / *галоши*, *шкаф* / *шкaп* и т. п.

лизации этих фонем, напротив, происходит модификация, так как, когда данная морфема соединяется с какой-нибудь другой морфемой, то возникающее при этом на их границе фонемосочетание (или звукосочетание) подвергается действию коартикуляции. В результате в морфеме возникает обязательное и закономерное чередование звуков, представляющих данную фонему, когда они сочетаются со звуками, представляющими разные фонемы. В качестве примера можно привести конечный согласный корня словоформ *стола*, *столу* (второе *л* будет отличаться от первого лабиализацией) или же окончание родительного падежа в словоформах *стола*, *руля*, *коня* (второе *а* будет отличаться от первого [i]-образным началом, а третье, кроме того, ещё и назализованностью).

Таков путь развития того, что Бодуэн называл зарождающимися альтернативами, а Щерба оттенками фонемы. Как писал Бодуэн: «...перед нами факт несоответствия между антрофоническим исполнением и намерением, целью: мы хотим произнести определённую фонему со всеми её свойствами, а между тем мы можем произнести только модификацию этой фонемы, подставляя вместо данных мыслимых свойств какие-то другие, возможные для исполнения» [Бодуэн де Куртенэ 1895/1963: 296]. Правильно описав поведение говорящего, Бодуэн не дал ему лингвистического истолкования; это сделал Щерба, который показал, что различия между оттенками потому могут не замечаться говорящими (как и слушающими), что оттенки в отличие от фонем никогда не связаны со смысловыми отношениями в данном языке. Учитывая поправку Щербы, мы можем сформулировать выводы из положения Бодуэна следующим образом: если аллофоны, обнаруживаемые в одной морфеме, лингвистически не противопоставлены в силу того, что их появление не связано со смысловыми отношениями, а обусловлено фонетической позицией, то их принадлежность одной фонеме определяется лингвистически тем, что они чередуются в пределах одной и той же морфемы.

В результате исторического развития языка, как писал в том же «Опыте теории фонетических альтернатив» Бодуэн, из зародышевых альтернатив (аллофонических чередований) возникают неофонетические (живые чередования по Щербе), а затем — палеофонетические (исторические — по Щербе). Тогда морфема предстаёт в различном не только аллофоническом, но и фо-

немном составе, а это ведёт в свою очередь к возникновению новых аллофонических чередований. Так, в *нёс, носят, носка* вследствие исторических чередований согласных корневая гласная фонема оказывается в различном фонетическом окружении, а это влечёт за собой появление трёх различающихся по их объективным характеристикам гласных, которые представляют три аллофона этой фонемы. Таким образом, разъединяют аллофоны чисто артикуляторно-акустические характеристики, объединяет же то, что они представлены в одной и той же морфеме.

Во всех рассмотренных случаях каждый из аллофонов привязан к данной позиции, вне которой он невозможен, и никогда не встречается в той же позиции, что любой из других аллофонов той же фонемы. Вне определённой позиции аллофон немислим. Понятие аллофона тесно связано с понятием позиции.

Поскольку фонетическое качество звуков, представляющих аллофон, определяется не местом в морфеме, а фонетической позицией, постольку, естественно, аллофонические чередования данной фонемы должны быть и в разных морфемах одинаковыми, т. е. характер *о* в *вёз, возят, возка* будет изменяться так же, как в приведённых выше словах. Вследствие фонетической, а не морфологической обусловленности модификации фонем сопринадлежность аллофонов одной фонемы переносится и на те случаи, когда они оказываются в соответствующих фонетических условиях также и в разных морфемах. Для того, чтобы внутриморфемные аллофонические чередования отождествлялись с межморфемными, необходимо только, чтобы и те, и другие совпадали фонетически, т. е. чтобы соответствующие аллофоны различались одинаковыми артикуляторно-акустическими характеристиками и совпадали в восприятии носителей языка. Сказанное можно проиллюстрировать на следующих примерах. Если разные *о* в вышеприведённых примерах представляют одну фонему благодаря тому, что их объединяет тождество морфемы, то разные *о* в *лёт, колотит, лодка* или в *кот, сёла, косят* также будут представлять аллофоническое чередование той же фонемы *о*, так как они совпадают с внутриморфемными чередованиями аллофонов по соответствующим объективным характеристикам и обусловлены теми же фонетическими позициями.

Таким путём позиционная модификация фонем (аллофоническое чередование) «освобождается» от морфологического фактора и становится собственно фонологическим явлением.

Анализ механизма образования аллофонов показывает, кроме того, что аллофоны одной фонемы являются фонетически зависимыми, так как каждый данный аллофон встречается только в определённых положениях и притом только в таких, в которых другие аллофоны той же фонемы не могут появиться, или иначе: два аллофона одной фонемы не могут оказаться в одинаковых фонетических условиях, т. е. не могут не находиться в отношении дополнительной дистрибуции. Так, в положении после носового согласного возможен только назализованный гласный [nõs], а после неносового — только неназализованный [ros]; перед губным гласным согласный обязательно будет лабиализованным [s^ouk], перед негубным гласным — нелабиализованным [sat] и т. п.

Напротив, аллофоны разных фонем характеризуются фонетической независимостью, проявляющейся в том, что они могут появляться в сочетании с разными фонемами или иначе: в сочетании с такими фонемами, с которыми сочетаются и другие фонемы данного языка. Например, [a] и [o] аллофоны разных фонем в русском языке, поскольку они фонетически независимы, встречаются в одинаковых сочетаниях (ср. /ga'sa/ и /kal'e'so/) и даже как самостоятельные единицы: союз *a*, междометие *o*. Аналогичный случай представляют русские /l/ и /l'/ (ср. /kol/ и /sol'/), равно как и любая другая пара фонем. Поэтому в русском языке [õ] и [o] будут аллофонами одной гласной фонемы, [s^o] и [s] — одной согласной фонемы, а /a/ и /o/ и, соответственно, /l/ и /l'/ разными фонемами.

Рассмотренные здесь свойства аллофонов одной и разных фонем, не должны быть истолкованы так, что всякая пара звуков, встречающихся во взаимоисключающих позициях (иначе: находящихся в отношении дополнительной дистрибуции), будет представлять аллофоны одной фонемы, а пара звуков, встречающихся в одинаковой позиции, будет представлять разные фонемы. Разные фонологические отношения требуют определённого фонетического выражения, но последнее само по себе не предопределяет фонологических отношений. Обратной зависимости здесь нет, и в этом сказывается господство собственно языковых факторов над артикуляторно-акустическими. Последние представляют лишь необходимую предпосылку для парадигматической идентификации фонем: если между двумя звуками, находящимися в одинаковой фонетической позиции, нет

объективного различия, то они обязательно представляют одну фонему; разные фонемы могут быть представлены в одной и той же позиции только разными звуками.

Факты разных языков показывают, что звуки, связанные дополнительной дистрибуцией, т. е. возможные только во взаимоисключающих условиях, не всегда представляют аллофоны одной фонемы, они могут представлять и разные фонемы. Классическим примером являются согласные [h] и [ɣ] в английском и немецком языках. Как известно, первый из этих согласных встречается в этих языках только в начале слога перед гласным, второй — в конце слога после гласного. Однако, несмотря на то, что они находятся в отношении дополнительной дистрибуции, не подлежит никакому сомнению, что они представляют разные фонемы.

Подобные факты, заставившие фонологов, начиная с Трубецкого, ограничить критерий дистрибуции при парадигматической идентификации фонем, отнюдь не представляют исключения. Напротив, аналогичная ситуация наблюдается всегда в тех случаях, когда условия варьирования (чередования аллофонов одной фонемы) оказываются для нескольких фонем одинаковыми. Справедливо критикуя принцип дополнительной дистрибуции, С. К. Шаумян, ссылается на систему аллофонов гласных фонем русского языка, связанных с тем или иным положением относительно твёрдых или мягких согласных. Он приводит следующую табличку [Шаумян 1962: 99]:

Между твёрдыми согласными		Между мягкими согласными
у	↔	і
ε	↔	е
а	↔	ä
о	↔	ö
и	↔	ï

Чисто дистрибутивные правила, сформулированные выше, не дают нам основание утверждать, что звуки, расположенные в схеме на одной строке, являются аллофонами одной фонемы. Поскольку, например, [ε] и [ä], или [о] и [ü] находятся в отношении дополнительной дистрибуции, т. е. встречаются во взаимоисключающих условиях, то, согласно соответствующему определению, звуки в каждой из этих пар можно было бы признать аллофонами одной фонемы. Это значит, что гласные слов *сядь*

и *шест* могут быть отнесены к одной фонеме, точно так же, как к одной фонеме могут относиться и гласные слов *хоть* и *тук*. Абсурдность такого решения интуитивно очевидна для каждого.

Какой же выход из этого трудного положения предлагают представители разных фонологических направлений?

Д. Джоунз в 1929 г. в своём определении фонемы так отвечал на этот вопрос: «Два звука в данном языке относятся к одной и той же фонеме, если они родственны по их характеру и употребляются так, что один из них никогда не встречается в точно той же ситуации, что другой, в связной речи» [Jones 1929: 43–44]⁸.

В принципе ту же точку зрения мы находим и у Трубецкого в третьем правиле для различения фонем и вариантов. Оно гласит: «Если два акустически (или артикуляторно) родственных звука никогда не встречаются в одной и той же позиции, то они являются комбинаторными вариантами одной и той же фонемы» [Трубецкой 1960: 56]. Интересен один из примеров, которым он подкрепляет это правило: «Так, например, в корейском языке *s* и *r* не могут находиться в исходе слова, тогда как *l* встречается лишь в исходе слова. Поскольку плавный *l*, очевидно, родственен скорее *r*, чем *s*, постольку только *l* и *r* можно рассматривать как комбинаторные варианты одной фонемы» [там же].

Такое же решение вопроса мы находим и у дескриптивистов; так, М. Сводеш писал: «Если дистрибуция звука одного типа является дополнительной к дистрибуции более, чем одного звука, то его нужно идентифицировать с тем из них, с которым он более схож фонетически; примером является *p* из английского *speech*, который находится в отношении дополнительной дистрибуции со звонким губным *b*, а также и с глухими губными смычными звуками из *peak*, *keep*, *happen*, и объединяется скорее с последними, чем с первым вследствие фонетического сходства. Если же какой-нибудь звук, находящийся в отношении дополнительной дистрибуции к двум звукам, не имеет особенного сходства с каким-нибудь одним из них, то

⁸ Интересно, что в 1925 г. Джоунз давал определение фонемы, навеянное старым (1912 г.) определением Щербы, не связанным с рассматриваемым здесь вопросом; оно гласит: «Фонему можно определить как группу звуков, которые объективно должны рассматриваться как различные, но которые воспринимаются носителями языка как родственные, потому что они не служат для различения слов» [Vachek 1932: 25].

его следует рассматривать как фонематически независимый» [Swadesh 1934: 123–124].

Таким образом, исходным и решающим критерием при парадигматической идентификации фонемы является по господствующему в фонологии пониманию артикуляторно-акустическое сходство звуков, представляющих её аллофоны. Такая точка зрения не выдерживает критики не только потому, что, придерживаясь её Джоунз, Трубецкой и другие фонологи отдают примат физической стороне звука, тогда как учение о фонеме зиждется на признании примата лингвистической функции его. Учение о фонеме возникло и держится на том, что физические характеристики не являются определяющими для идентификации фонем. Отказ от этого означает по существу отказ от понятия фонемы и от фонологии вообще.

С. К. Шаумян, критиковавший дистрибуционный метод идентификации фонем, не обратил внимания на то, что «в чистом виде» им и не пользуются; на указанном исходном положении об обязательном фонетическом сходстве аллофонов одной фонемы он не останавливается. Может быть, это можно объяснить тем, что предлагаемый им операторный метод, по существу, тоже опирается на сходство аллофонов. Не употребляя непривычных для лингвистов терминов, используемых С. К. Шаумяном, его метод можно представить в следующем виде. Позиции, в которых встречаются звуки, воплощающие фонему, обуславливают их характер. Числом позиций, следовательно, определяется и число таких звуков. Для русских гласных, например, важны позиции, связанные с твёрдостью или мягкостью соседних согласных; их всего четыре: 1) между твёрдыми (P_1), 2) между твёрдым и мягким (P_2), 3) между мягким и твёрдым (P_3) и 4) между мягкими (P_4). В итоге получаем следующую картину модификации пяти гласных фонем русского языка⁹.

P_1	P_2	P_3	P_4
a_1	a_2	a_3	a_4
o_1	o_2	o_3	o_4
u_1	u_2	u_3	u_4
i_1	i_2	i_3	i_4
e_1	e_2	e_3	e_4

⁹ С. К. Шаумян говорит о пяти гласных, так как считает y и i одной фонемой.

Если принять в каждой строчке любой гласный (например, a_1 в первой строке) за исходный (за эталон), то отличие остальных гласных от него в той же строке можно приписать действию соответствующего оператора. В a_2 , например, имеется в начале [i]-образный переход, обусловленный коартикуляцией с предшествующим палатализованным согласным; в a_3 такой переход наблюдается в конце гласного под влиянием следующего за ним палатализованного согласного и т. д. Такое же закономерное влияние позиционных операторов обнаруживается в любой из пяти гласных фонем русского языка. Поэтому все звуки, находящиеся в той или иной позиции, можно рассматривать как некое множество M ; так, все звуки в позиции 1 образуют M_1 , в позиции 2 — M_2 и т. д.

С. К. Шаумян пишет: «если дано множество звуков M_i , взятое в качестве эталона, то для каждого звука a_i этого множества можно найти принадлежащий к множеству M_j звук a_j , отличие которого от звука a_i может быть сведено к действию позиционного оператора P_j » [Шаумян 1962: 95]. Напротив, звук o_2 , как и любой другой из множества M_2 кроме звука a_2 не может рассматриваться как разновидность a_1 , обусловленная действием оператора P_2 . Поэтому, хотя o_2 и a_1 находятся в отношении дополнительной дистрибуции, они не могут быть сведены друг к другу, т. е. представляют разные фонемы. Разные же a (a_1, a_2, a_3, a_4) или разные o (o_1, o_2, o_3, o_4) сводимы друг к другу, так как при устранении действия соответствующего позиционного оператора, разница между ними исчезает; они, следовательно, представляют одну фонему.

С. К. Шаумян не замечает того, что в его рассуждениях имеется известная недоговорённость. Он не ставит вопроса о том, откуда известно, что различие между a_2 в слове /'ak/ *ляг* и a_1 в слове /ak/ *лак* может быть сведено к действию оператора P_2 , а различие между o_2 в слове /'ok/ *лѐг* и a_1 в слове /ak/ *лак* не может быть результатом действия этого оператора. Если бы он такой вопрос поставил, то единственный ответ, который он мог бы дать, исходя из своей теории, это указание на сходство между a_1 и a_2 . В неявном виде такой ответ содержится в замечании С. К. Шаумяна по поводу согласных *h* и *η* английского и немецкого языков, о которых он пишет: «Тем не менее, эти звуки не могут быть сведены друг к другу, потому что разница между ними не может считаться позиционно мотивированной».

Это означает, что *h* и *ŋ* потому несводимы, что они не могут рассматриваться как видоизменения одного и того же звука, т. е. что они не сходны.

Аллофон неотделим от фонетической позиции, которая его обуславливает; поэтому мысль о том, что аллофоны одной фонемы должны различаться только из-за различия позиций, в таком общем виде не может вызывать сомнений¹⁰. Однако связь особенностей аллофонов с позицией раскрывается с достаточной ясностью только тогда, когда модификация фонемы связана с её комбинаторикой и определяется коартикуляцией (операторы С. К. Шаумяна и есть действие последней). Если же модификация связана с местом в слове, с ударностью или безударностью и т. п., то выявление её фонетической обусловленности может наталкиваться на бóльшие трудности. Так, основываясь только на артикуляторных признаках, невозможно понять, почему переднеязычный и фарингальный щелевые (*s* и *h*) оказываются в некоторых языках аллофонами одной фонемы, и почему *h* появляется в начальной позиции, а *s* — в интервокальной. Равным образом трудно объяснить позиционную обусловленность дистрибуции *r* и *l* в корейском языке (*r* — в превокальной позиции и *l* — в поствокальной), хотя взаимосвязь этих согласных понятнее.

Если оставить в стороне эти трудные случаи и иметь в виду лишь типичные, когда сходство аллофонов одной фонемы может быть установлено, то исходное положение всякой теории фонем заставляет нас утверждать, что оно является производным от тождества фонемы, а не лежит в его основе.

Таким образом, операторный метод С. К. Шаумяна лишь процедурно, а не принципиально, отличается от дистрибуционного.

Чтобы выйти из заколдованного круга и найти собственно лингвистический фактор, обеспечивающий сводимость аллофонов одной фонемы друг к другу, нужно обратиться к общей теории фонетических альтернатив. Звуки, расположенные в строках вышеприведённой схемы С. К. Шаумяна, представляют собой, по Бодуэну, альтернирующие дивергенты фонем.

Как известно, Бодуэн подчёркивал, что фонемы чередуются только как «компоненты морфем». Он писал: «Строго говоря, во всех подобных случаях альтернирующими единицами могут

¹⁰ По существу, эта мысль лежит в основе бодуэновского положения о расхождении исполнения с намерением (см. выше).

считаться не фонемы, а целые морфемы, так как только морфемы являются семасиологически неделимыми языковыми единицами» [Бодуэн де Куртенэ 1895/1963: 273].

Действительно, чередование можно констатировать только через морфему. Случаи, подобные таким, как отмеченные выше (/lak/ — /l'ak/ или /mat'/ — /m'at'/), свидетельствуют лишь о том, что гласные /a/, /'a/, /a'/, /'a'/ находятся в разных позициях, но это не означает ещё того, что они связаны между собой.

Лингвистическая связь между этими звуками, обязательная для аллофонов одной фонемы, представляющей собой именно языковую единицу, не обнаруживается при сопоставлении разных морфем. Если мы ничего не знаем о связи /a'/ с /'a'/, например, мы не имеем оснований утверждать, что /'a'/ из слова *мять* является «производным» от /a'/ в слове *мать*. Только тождество корневой морфемы слов /sad'it/ *садит* и /s'ad'it/ *сядет* позволяет видеть языковую связь между этими гласными, а из комбинаторной обусловленности каждого из них вытекает, что они сводимы друг к другу, т. е. являются аллофонами одной фонемы.

Мы, таким образом, снова подошли к вопросу о механизме образования аллофонов одной фонемы, рассмотренному в начале этого раздела (см. с. 905). Мы к нему вернёмся ещё и ниже в разделе об установлении состава фонем языка. Здесь следует только отметить, что излагаемая точка зрения восходит к одному незамеченному высказыванию Л. В. Щербы, которое мы находим в «Русских гласных». Рассматривая вопрос о фонематичности противопоставления /ы/ и /i/, Щерба пришёл к выводу, что хотя эти гласные встречаются во взаимоисключающих позициях, они не стали оттенками одной фонемы, потому что они не чередуются внутри одной морфемы, а только на стыке морфем или слов (например: /ivan/, но /sivanam/) [Щерба 1912: 50]. Щерба не развивает своей мысли и потому остаётся непонятным, почему он считал чередования, происходящие не внутри морфем, недостаточными для объединения оттенков. Тем не менее, то обстоятельство, что он для идентификации фонемы считал необходимым обращаться к морфеме, имеет глубокое принципиальное значение. Благодаря тому, что сходство звуков отвергается как критерий их сводимости к одной фонеме, вся теория фонемы приобретает строгую целостность.

Решающее значение языкового фактора при идентификации фонем, подчинённость артикуляторно-акустического аспекта

выявляется и в том случае, когда два звука встречаются в одинаковых фонетических условиях, но, тем не менее, не могут считаться представителями разных фонем. Интересно отметить, что в этом случае фонологи различных направлений, в общем, единодушны.

Речь идёт о случаях, предусмотренных первым правилом Трубецкого, которое гласит: «Если в том или ином языке два звука встречаются в одной и той же позиции и могут замещать друг друга, не меняя при этом значения слова, то такие звуки являются факультативными вариантами одной фонемы» [Трубецкой 1960: 53].

Такую пару звуков образуют, например, в русском языке согласные [g] и [ɣ], которые могут встречаться в одинаковом фонетическом положении (ср. ['goga] и ['boɣa], произносимые по орфоэпическим нормам именно так). Они, следовательно, могли бы представлять две разные фонемы. Однако замена одного согласного другим никогда в русском языке не приведёт к нарушению различий слов: ['goɣa] и ['boga] останутся теми же словами, и такое произношение реально встречается. Это даёт основание считать эти два согласных факультативными вариантами одной фонемы.

Несколько иную картину представляют в немецком языке гласные [e:] и [ɛ:], которые обычно считаются разными фонемами, так как имеется ряд минимальных пар, различающихся только ими; например: ['e:rə] *Ehre* — ['ɛ:rə] *Ähre*, ['ze:ən] *sehen* — ['zɛ:ən] *säen* и др. Вместе с тем требование орфоэпической нормы (так называемой *Bühnenaussprache*) различать подобные квазиомонимы в реальном произношении часто не соблюдается, и во всех случаях произносится закрытое [e:]. Это находит себе объяснение как в истории языка, так и в синхронии. Дело в том, что в системе противопоставления долгих и кратких гласных только краткому /ɛ/ были бы противопоставлены два долгих [e:] и [ɛ:], тогда как в остальных случаях каждому краткому соответствует один долгий. Таким образом, если иметь в виду не идеальную норму, а реальное немецкое произношение, то [e:] и [ɛ:] следует признать факультативными вариантами одной фонемы.

Итак, ни дополнительная дистрибуция, ни возможность появления в одинаковых фонетических условиях сами по себе недостаточны, чтобы судить о фонематическом статусе данной пары звуков. Они являются определяющими только в том

случае, если эти звуки могут быть связаны единством морфемы, в которой они встречаются (тогда эта пара звуков представляет одну фонему: её аллофоны или факультативные варианты), или же, напротив, они разъединены всегда тем, что не могут встречаться в одной и той же морфеме (тогда они представляют две разные фонемы).

Г. Функции и сущность фонемы

Функция таких языковых единиц, как морфема, слово, предложение состоит, прежде всего, в том, что они, обладая значением, смыслом, являются элементами сообщения. В отличие от них фонема лишена значения и потому не может быть таким элементом. Вместе с тем, если язык — это средство общения, то всё в языке должно быть связано с его коммуникативной функцией.

Признав всякое сообщение (в широком смысле этого слова) предложением, мы можем сказать, что всякая языковая единица будет таковой только в том случае, если она может выступать в определённой ситуации в качестве предложения. Об этом хорошо сказано у А. А. Реформатского [Реформатский 1967: 28–29]. Надо заметить, что описанная им ситуация не так уж редка, если не сказать больше. Аналогичное можно наблюдать, например, в школе, когда учитель, написав на доске какую-нибудь гласную букву, скажем, «а», спрашивает у учеников: «Что это?» и получает ответ: «А».

Следует подчеркнуть, что /а/ здесь является не морфемой и одновременно словом и предложением, а только планом выражения морфемы и, соответственно, высших языковых единиц. Верно, однако, и то, что только связь со смысловыми единицами, только способность кратчайшего сегмента звуковой последовательности выступать в качестве плана выражения языковых знаков делает его фонемой, т. е. в известном смысле автономной звуковой единицей языка. Именно в признании этого и заключается щербовская концепция фонемы. Ещё в «Русских гласных» он писал: «На основании сказанного в предыдущем параграфе фонему провизорно можно определить следующим образом: это кратчайший элемент общих акустических представлений данного языка, способный ассоциироваться в этом языке со смысловыми представлениями» [Щерба 1912: 8]. Ту же мысль, но выраженную не в психологических

терминах, мы находим в написанной Щербой части «Введения» к «Грамматике русского языка» АН СССР, опубликованной после его смерти. Там сказано: «Лингвистическая природа отдельных звуков речи и определяется тем, что каждый из них может что-то значить в данном языке, и термин фонема введён именно с целью подчеркнуть это обстоятельство» [Щерба, Виноградов 1952: 12].

Как было показано выше при анализе проблемы членения речевого потока на фонемы, она не обязательно должна выступать в качестве означающего какого-нибудь однофонемного слова или однофонемной морфемы. «Смысловое» значение фонема может получить и через морфологизованное чередование, при котором с тем или иным его членом связывается определённое грамматическое значение. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что имеется в виду не обязательно реализованная, а только потенциально возможная связь со смысловыми единицами языка — языковыми знаками, которая обеспечивается автономностью фонемы. Последняя же, как мы видели выше, может возникать также и в результате остаточной выделяемости (см. с. 902). Во всех случаях необходимым условием автономности звуковой единицы (иначе говоря, необходимым признаком фонемы) является её фонетическая независимость от позиции.

Выделенные таким образом фонемы, хотя и не образуют каждая в отдельности плана выражения знаков в данном языке, но в сочетании с другими фонемами они обязательно имеют эту функцию. Способность образовывать план выражения («звуковой облик») языкового знака, являющаяся основным признаком фонемы, должна быть признана одновременно и её основной функцией; вслед за некоторыми исследователями¹¹ её можно назвать конститутивной.

¹¹ *Примечание издателей:* На полях рукописи карандашом в этом месте указаны имена А. А. Реформатского, С. И. Бернштейна и Т. А. Белинской. Идея конститутивной функции, восходящая к Л. В. Щербе, была близка и Реформатскому (ср. «перцептивная функция» [Реформатский 1967: 29, 154, 207 и др.]), и Бернштейну (ср. «словообразующая и словоопознавательная функция», [Бернштейн 1952: 544]), однако термин «конститутивный» нам удалось обнаружить лишь у Т. А. Белинской: «Фонема является конститутивным элементом слова» [Белинская 1963: 7].

Такая точка зрения идёт вразрез с господствующими в науке представлениями. Трубецкой даже и не говорит о конститутивной функции. Основной признаётся функция дифференциальная или дистинктивная (морфеморазличительная, словоразличительная). Считается, что такое понимание вещей идёт от Щербы; Трубецкой [1960: 42–43] и ссылается на определение фонемы в вышедшей в 1911 г. брошюре Щербы о русском произношении [Ščerba 1911: 2]. Однако в 1912 г. Щерба ставит дифференциальную функцию на второе место. Он пишет: «Фонемой называется кратчайшее общее фонетическое представление данного языка, способное ассоциироваться со смысловыми представлениями и дифференцировать слова...» [Щерба 1912: 14].

Дистинктивная функция является производной от конститутивной. Так как звуковой облик слова выражен через определённый состав фонем, то уже по различению хотя бы одной из них можно отличить одно слово от другого.

К выяснению функции фонемы можно подойти и иначе: план выражения необходим для того, чтобы осуществился акт коммуникации. Звуковая сторона языка не имеет никакого самостоятельного значения. Она является его обязательным свойством только потому, что без неё язык как средство общения невозможен. Звуковая сторона — это та форма, которая необходима для передачи некоего содержания. Понятно, что и все элементы её служат именно этой цели. Для того чтобы передать смысл, заключённый в слове *дом*, носители русского языка в силу традиции, переходящей от поколения к поколению, должны облечь этот смысл в сочетание фонем /d, o, m/. Это и конституирует слово *дом*; для этого и существуют фонемы, в этом их основная функция. А так как в русском языке есть такие слова как *ком*, *лом*, *том*, *сом*, *ром*, которые отличаются от *дом* только первой фонемой, то благодаря этим фонемам мы и различаем перечисленные слова вне всякого контекста; фонема, следовательно, выступает здесь и как различительное средство. У неё появляется дистинктивная функция.

Если допустить, что дистинктивная функция фонемы является первичной, а не производной от конститутивной, то это означало бы, что фонемный состав такого-то слова обусловлен необходимостью отличить его от другого, что в слове *стул*, например, наличие гласного /u/ необходимо, чтобы отличить его от слова *стол* или какого-нибудь другого квазиомонима.

Любой фонолог, даже тот, который считает дифференциальную функцию не только первичной, но и единственной, разумеется, далёк от подобной мысли. И всё же признание того, что дифференциальная функция составляет сущность фонемы, явилось причиной широко распространённого ошибочного представления о решающем значении минимальных пар (квазиомонимов) для фонологического противопоставления звуковых единиц (см. подробнее ниже, с. ...¹²).

О какой бы функции ни шла речь, надо помнить, что звуковой облик слова состоит из таких-то фонем не потому, что этого требует значение его, а только потому, что оно будет таким-то словом лишь в том случае, если его звуковой облик (план выражения) будет представлен такой-то цепочкой фонем. План выражения и план содержания неразрывно связаны в языковом знаке; слово *плот* будет разрушено, если отбросить или заменить какую-нибудь из фонем, составляющих его план выражения. Этому не противоречит тот факт, что здесь возможно и факультативное варьирование. *Уплачено* и *уплочено* остаются одной и той же значащей единицей в русском языке, несмотря на то, что слово существует в двух видах. Существенно лишь то, что подобная вариативность возможна только в строго определённых пределах. Не противоречат сказанному об обязательной связи между обеими сторонами языкового знака и факты омонимии. Несмотря на совпадение плана выражения, *пол* (мужской или женский) и *пол* (деревянный или каменный) будут разными словами.

Кроме конститутивной и дистинктивной функций фонеме приписывают ещё и делимитативную функцию, т. е. функцию разграничения в речи смысловых единиц разного порядка (ритмических групп, слов, морфем). Однако, эта функция присуща не только фонеме, но и аллофонам одной фонемы. Трубецкой, который впервые разработал учение о делимитативной функции звуков, различал разные виды пограничных сигналов: фонематические и афонематические. Уже это обстоятельство

¹² *Примечание издателей:* Предполагаемый раздел в рукописи отсутствует; ср. соответствующие страницы «Общей фонетики» (1979: 69–71), а также специальную статью: Л. Р. Зиндер. О «минимальных парах» // Язык и человек. Сборник статей памяти проф. П. С. Кузнецова. (1899–1968). М., 1970. С. 105–109. (Переизд.: Л. Р. Зиндер. Общая фонетика и избранные статьи. СПб.; М., 2007. С. 422–426).

должно предостеречь от гипертрофирования указанной функции, наблюдаемого у ряда авторов.

Пограничные сигналы возникают вследствие того, что в краевых (маргинальных) позициях морфем, слов и т. п., во-первых, могут не встречаться в данном языке какие-нибудь фонемы или их сочетания, во-вторых, в них могут быть только те аллофоны, которые обусловлены нахождением фонемы именно в этих позициях. Соответственно, вслед за Трубецким, различают фонематические и афонематические пограничные сигналы.

К первым относится, например, отсутствие звонких согласных в конце слов в русском языке. Следует заметить, что наличие глухого согласного не говорит ни о чём, так как глухой может встречаться и в середине слова; наличие же звонкого, напротив, является сигналом того, что это не конец слова. Аналогичное значение в английском и в немецком языке имеет фонема /h/, не встречающаяся в конце морфемы (а следовательно, и слова), а также и фонема /ŋ/, невозможная в начале морфемы. Такого рода сигналы Трубецкой, соответственно, называл отрицательными. Такими же отрицательными сигналами были в древнегреческом все согласные кроме *v*, *p*, *z*, так как только они могли стоять на конце слова.

К положительным фонематическим сигналам можно отнести появление глухого согласного перед шумным звонким кроме /v/ в русском языке; например: *кот бежит* /kot b'izyt/, *лес зеленеет* /'es z'il'in'ejit/ и т. п. Здесь следует оговориться, что такое произношение — не единственно встречающееся в русской речи, однако это не меняет положения вещей, так как, если оно реализуется, то перед нами неоспоримый признак границы слов. Сигналы такого типа Трубецкой называет групповыми, потому что глухой согласный не сам по себе, а перед звонким сигнализирует о конце слова. Одиночных положительных фонематических сигналов в русском языке нет, да и вообще в языках трудно найти такие фонемы, которые ограничены маргинальными позициями.

Групповыми отрицательными сигналами будут сочетания согласных в тех языках (например, в тюркских), в которых они невозможны в начале слова.

Афонематическими положительными сигналами являются придыхательные аллофоны глухих смычных согласных фонем в немецком языке, встречающиеся только в начале морфем (не-

мецкий язык, как указывал Трубецкой, относится к морфеморазграничивающим). К таким же сигналам относятся глухие аллофоны сонантов в русском языке, появляющиеся только в конце слов.

Аллофоны гласных [ъ] и [ь], невозможные в абсолютном начале слов в русском, представляют отрицательные фонематические сигналы. Такими же сигналами являются и лабиализованные аллофоны любого согласного в русском и многих других языках, так как они связаны с положением перед огубленным гласным, а следовательно, не могут оказаться в абсолютном конце слова.

Не останавливаясь здесь более подробно на анализе всех возможных случаев фонетических признаков маргинальных позиций, необходимо подчеркнуть, что рассмотренные свойства звуков присущи не одним фонемам, но также и их аллофонам. Уже это одно заставляет усомниться в правомерности признания делимитативной функции фонемы, по крайней мере, как такого признака, который отличает её от аллофона. Главное же состоит в том, что все такие признаки краевых позиций слов или морфем не используются говорящими в акте коммуникации в качестве пограничных сигналов. Это доказано рядом авторов, проводивших эксперименты по восприятию одних и тех же звуковых последовательностей внутри морфемы и на границе значащих единиц. Оказалось, что аудиторы не опознают различия звуковых стыков в разных условиях даже в тех случаях, когда объективный спектральный анализ свидетельствует о существовании такого различия¹³.

Подобные опыты говорят о том, что говорящие, устанавливая состав слов воспринимаемого ими отрезка речи, пользуются не фонематическими пограничными сигналами, а более сильным фактором — смысловым. Естественно поэтому, что когда аудитору предъявлялись такие фразы, как *Там арка упала* и *Тамарка упала* вне всякого контекста и без указания соответствующей ситуации, то он, не имея опоры на смысл, давал совершенно случайные ответы. Широко известны факты

¹³ *Примечание издателей:* Имеются в виду эксперименты, описанные в статье: Л. В. Бондарко, Л. Р. Зиндер, Н. Д. Светозарова. Разграничение слов в потоке речи // Вопросы языкознания. 1968. № 2. С. 68–81. (Переиздание: Л. Р. Зиндер. Общая фонетика и избранные статьи. СПб.; М., 2007. С. 470–486.)

неправильного истолкования неизвестных слушающему словосочетаний такого типа, как *Колокольчик Дарвалдая* вместо *Колокольчик, дар Валдая*, в котором не опознаётся собственное имя Валдай, вследствие его редкого употребления.

В общем, никаких сигналов рассматриваемые фонетические факты не обнаруживают и, соответственно, никакой делимитативной функцией ни фонема, ни аллофоны фонемы не обладают. В действительности в языках имеются определённые ограничения в употреблении фонем в маргинальных позициях слов, морфем и т. д. и, естественно, набор аллофонов, определяемых этими позициями. Сама природа аллофона, его обязательная связь с позицией предопределяет специфичность аллофонов в конечных и начальных положениях.

Разумеется, все эти явления существенны для характеристики фонологической системы языка, поскольку они свидетельствуют об особенностях функционирования фонем, об их чередованиях, которые имеют морфологическое значение.

Д. Аллофоны, их значение и типы

В противоположность фонеме, сущность которой состоит в потенциальной возможности выступать в качестве плана выражения языкового знака, аллофон не обладает такой возможностью. Автономность фонемы связана с её фонетической независимостью (в языке должна существовать хотя бы одна позиция, в которой встречается не только данная фонема), аллофон же, являющийся функцией позиции, привязан к позиции, фонетически зависим (в данной позиции не может оказаться другой аллофон той же фонемы).

Аллофон не имеет конститутивной, а тем более дистинктивной функции, тем не менее, он не лишён лингвистической значимости. Последняя становится особенно очевидной, если подойти к вопросу с точки зрения речевого поведения говорящих. С. И. Бернштейн ещё в тридцатых годах писал о том, что при опознании слова существенную роль играет весь звуковой облик его. Это значит, что при восприятии, например, слова *мель* используется полная характеристика его [Бернштейн 1936: ст. 107]. Если гласная фонема будет представлена в нём не самым узким аллофоном, а, скажем, таким как в слове *мел*, то узнавание будет затруднено.

Само собой разумеется, что такое нарушение произношения гласного, противоречащее правилам русской орфофонии, не

равнозначно замене фонемы /e/, скажем, фонемой /u/, что приведёт к разрушению слова, или же фонемой /o/, при которой, естественно, будет опознано другое слово — *моль*. Однако, и замена аллофонов одной и той же фонемы, если не исключает понимания¹⁴, то побуждает слушающего отвлекаться от смысла сообщения и обращать внимание на произношение, а это, конечно, мешает свободному протеканию акта коммуникации. Всякий знает из своего опыта, как диалектное произношение даже какой-нибудь одной фонемы, например, твёрдое произношение /щ/ невольно заставляет прислушиваться к этой фонетической особенности и отвлекает от восприятия содержания высказывания.

Лингвистическая значимость аллофонов подтверждается и фактами диахронии. Звуковая эволюция языка часто предстаёт в виде расщепления аллофонов одной фонемы, превращения их в противопоставленные фонемы. Такое развитие было бы загадочным, если бы аллофоны как таковые не обладали хотя бы ограниченным лингвистическим значением.

В языковедении до сих пор господствует высказанное ещё Бодуэном и Щербой положение о том, что различие между аллофонами одной фонемы не осознаётся говорящими. Ряд исследований, выполненных в последнее время, в частности, в Лаборатории экспериментальной фонетики Ленинградского университета, показал, что такая точка зрения, по крайней мере, не точна¹⁵. Аллофоны, связанные с важными фонологическими противопоставлениями, различаются носителями языка. Так, русские аудиторы, хотя и не в 100% случаев, но всё же различали в опытах по восприятию аллофоны русских гласных, обусловленные положением в соседстве с палатализованными и непалатализованными согласными. Другое дело, что границы

¹⁴ Здесь имеется в виду восприятие слова вне контекста; известно, что избыточность, являющаяся свойством контекста, делает возможным восстановление не только «испорченных», но и вовсе отсутствующих элементов речи.

¹⁵ *Примечание издателей*: Имеются в виду эксперименты, описанные, в частности в статье: Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, Л. Р. Зиндер, Л. П. Павлова. Различаемые звуковые единицы русской речи // Механизмы речеобразования и восприятия сложных звуков / ред.: А. В. Венцов и др. М.; Л., 1966. С. 165–179. (Проблемы физиологической акустики, т. 5.) (Переиздание: Л. А. Вербицкая. Избранные статьи. СПб., 2022. С. 50–63.)

между аллофонами разных фонем могут оказаться нарушенными в восприятии, и что произнести изолированно аллофоны одной фонемы носители языка, нормально, не умеют.

Фонема не существует вне аллофонов, обусловленных определённым фонетическим положением. Следовательно, каждый аллофон в данной позиции является представителем соответствующей фонемы, её воплощением. Таким образом, с точки зрения их роли в языке все аллофоны равноправны; в этом смысле следует признать безусловно удачным предложенный Э. Палгремом термин «аллофонема», подчёркивающий, что мы всегда имеем перед собой фонемы, предстающие в виде аллофонов [Pulgram 1961].

Равноправие аллофонов не всегда обнаруживается в восприятии носителей языка, в их речевом поведении. Известно, что если, например, выделить первый гласный из слова *о́кна*, то любой носитель русского языка признает в нём русский звук и легко его произнесёт. Если же выделить первый гласный из слова *тѣтя*, то многие скажут, что такого звука в русском языке нет, и уж никто не сможет его произнести. Наблюдения подобного рода, а также и то, что при протяжном произнесении этого гласного он совпадает на слух с гласным из слова *о́кна*, и дало Л. В. Щербе основание выделять среди оттенков (аллофонов) фонемы типичный оттенок.

Л. В. Щерба писал о нём: «Среди оттенков одной фонемы обыкновенно бывает один, который по разным причинам является самым типичным для данной фонемы: он произносится в изолированном виде, и собственно он один только и сознаётся нами как речевой элемент. Все остальные оттенки нормально нами не сознаются как отличные от этого типичного оттенка, и нужна специальная фонетическая дрессировка уха, чтобы научиться слышать их» [Щерба 1963: 18].

Основной причиной, выделяющей типичный оттенок, как об этом писал Л. В. Щерба ещё в «Русских гласных», является наиболее независимое положение, в котором встречается данная фонема, например, изолированное произношение [Щерба 1912: 13]. Именно поэтому в гласных благодаря тому, что они сами по себе могут образовать слог, а следовательно, и произносятся изолированно, типичный оттенок выделяется легко. Сложнее дело обстоит с согласными, так как в полностью независимом фонетическом положении они практически не

встречаются. Не во всех языках и не для всех согласных легко найти и относительно независимое положение. Так, в русском языке только глухие согласные и сонорные могут встречаться в абсолютном конце слов, где их артикуляция может рассматриваться как мало зависящая от предыдущего звука. Для шумных звонких аналогичной позиции не найти.

В немецком языке, например, абсолютный конец слова не является независимым положением для согласного, так как его характер зависит от предшествующего гласного.

Понятие типичного (основного) варианта встречается и в новейшей фонологии. Г. Хаммарстрём, например, считает, что он определяется частотностью употребления. Он пишет: «фон, который конституирует основной вариант, до сих пор определялся лишь интуитивно. В большинстве случаев (но, вероятно, не всегда) это должен бы быть фон, наиболее часто встречающийся в речи» [Hammarström 1966: 21].

Кроме типичного и нетипичных аллофонов, целесообразно различать ещё и комбинаторные и позиционные аллофоны. Первые зависят от соседства с разными фонемами; они обусловлены коартикуляцией, фонетический механизм которой может быть, как правило, легко раскрыт. Вторые зависят от места в слове или слоге, а также и от характера слова (например, его длины) или слога (например, открытый или закрытый слог); в этом случае действие фонетического механизма, обусловленность им характера аллофона далеко не всегда ясна; так, например, трудно объяснить, почему в немецком языке начальные аллофоны глухих смычных аспирированные, а конечные — неаспирированные.

К позиционным, обычно, относят также аллофоны, которые связаны с местом ударения, однако вопрос этот требует специального обсуждения. До сих пор мы имели дело с явлениями, так сказать, линейного порядка. Взаимное расположение фонем, длина слова, его начало и конец — всё это относится к линейной характеристике языковых единиц. Иное дело такие явления как интонация и ударение; они, по существу, по их лингвистической функции расположены над линейными единицами и не относятся к характеристике кратчайших линейных единиц — фонем. Термины «сегментный» и «суперсегментный», широко распространённые сейчас благодаря почину американских фонологов, в общем, хорошо отражают сказанное.

Смысл различения указанных двух планов состоит в том, чтобы не смешивать их характеристик: не приписывать фонеме то, что относится к интонации или к ударению, и наоборот. В отношении интонации так всегда и поступают или, по крайней мере, стремятся поступать. Никто не станет утверждать, что в русской фонеме /a/ в слове *да*, произнесённом с интонацией вопроса, утверждения, подтверждения и т. д., различаются соответствующие аллофоны. Напротив, все согласны в том, что различная мелодика, длительность и интенсивность, с которой каждый раз произносится /a/, это особенности интонации, связанные с коммуникативным типом предложения и с эмоцией.

Логично было бы подобным образом квалифицировать и явления, связанные с ударением, однако так никогда не поступают; /a/ в ударенном и в разных безударных слогах всегда рассматриваются как разные аллофоны. Правильнее было бы, вероятно, считать их одним аллофоном, а разное качество ударных и безударных гласных отнести за счёт характеристики ударения. Практически реализовать такую точку зрения трудно, но это не опровергает её справедливости. Трудность заключается в том, что всё просодическое только в фонологическом смысле суперсегментно, реализуется же и интонация, и ударение линейно в сегментных единицах, вне которых ничего произнести невозможно. Только этим, я думаю, объясняется то, что ударение рассматривается в ряду других факторов, обуславливающих позиционное варьирование фонемы.

Из всего сказанного выше об аллофоне (аллофонеме) как представителе фонемы вытекает, что он является единицей языка, а не речи, он, следовательно, не тождествен звуку речи, являющемуся лишь его коррелятом. Различие звуков, реализуемых в одной и той же позиции, обусловленное действием экстралингвистических случайных факторов, таких как индивидуальные черты говорящего, как ситуация, в которой протекает речь, темп речи и т. п., не вызывает различия аллофонов. Гласный в слове *рот*, например, произнесённом разными людьми или одним и тем же человеком, но при разных обстоятельствах (строго говоря, даже при простом повторении этого слова одним и тем же человеком), несмотря на то, что он каждый раз будет чем-то отличаться, остаётся одним и тем же аллофоном. Для такой конкретной реализации аллофона и введён специальный термин — фон.

Аллофон, таким образом, так же, как и фонема, понятие абстрактное, что вытекает уже из признания его фактом языка.

[Е.] Фонема и звуковая субстанция

При рассмотрении вопроса о синтагматической и парадигматической идентификации фонем в предыдущих разделах каждый раз подчёркивалось, что механизм идентификации имеет чисто лингвистическую природу. Между тем, при сравнении разных со смысловой точки зрения ситуаций приходилось оперировать материальным тождеством тех или иных отрезков речи.

Не получается ли таким образом порочный круг? Сначала доказывалось, что членение звуковой последовательности осуществляется только на фонемы — единицы языковые, и что обусловлено это членение, равно как и идентификация фонем, только языковыми факторами, а затем приходилось обращаться к выявлению физического сходства или несходства. Чтобы разрешить это противоречие, необходимо подвергнуть анализу проблему отношения между материальной субстанцией и лингвистической сущностью в фонетической стороне языка, в плане выражения языкового знака.

Материальная основа плана выражения не может вызывать никакого сомнения: только определённые акустические признаки, воспринимаемые слухом, позволяют слушающим узнавать, а следовательно, и понимать отдельные элементы речи и речь в целом. Если звук как лингвистическая единица, как воплощение фонемы, не совпадает со звуком в акустическом или физиологическом смысле, то это отнюдь не означает того, что фонема совершенно не связана с акустико-артикуляторной природой звуков речи. Напротив, фонема имеет своим обязательным воплощением звуковую материю. Артикуляторно-акустическая характеристика физического коррелята фонемы может быть очень сложной; она, во-первых, обязательно варьирует в разных фонетических позициях, во-вторых, она может распределяться между несколькими сегментами, частично перекрываясь с характеристиками коррелятов соседних фонем, но именно она обеспечивает опознавание фонемы в акте коммуникации и возможность выделения её путём изолированного «произнесения».

Материальная основа плана выражения обнаруживается ещё и в том, что в языке не может быть разных фонем, если в речи носителей данного языка нет разных в артикуляторно-

акустическом отношении звуков, которые могли бы послужить субстратом фонемного противопоставления. Это отнюдь не противоречит основному положению теории фонемы, которое говорит лишь о том, что наличие в речи разных звуков не предопределяет наличия фонемного противопоставления.

Относительно русского языка, например, не может возникнуть вопроса о различении двух фонем — смычногортанного и несмычногортанного «к», поскольку смычногортанный в русском не встречается вовсе. Однако, если бы такой согласный и встречался в русской речи, то это ещё не означало бы, что он противопоставлялся бы как особая фонема другим согласным, в том числе, разумеется, и не смычногортанному. Так, хотя лабиализованное и нелабиализованное «к» и встречается в русской речи (ср. [kʰot] и [kak] — *кот* и *как*), оба они представляют одну, а не две фонемы.

Примат лингвистического аспекта в фонеме отнюдь не исключает того, что она имеет своим воплощением материальную звуковую единицу. В каждой данной фонетической позиции фонема представлена определённым аллофоном, имеющим более или менее постоянные артикуляторно-акустические характеристики. Только это и позволяет носителю соответствующего языка узнавать данную фонему. Не касаясь психофизиологического механизма распознавания речи, можно с уверенностью сказать, что, производя фонемный анализ той или иной звуковой последовательности, человек отправляется от определённых артикуляторно-акустических признаков. То же, что такой анализ действительно имеет место, доказывается буквенным письмом, которое оперирует дискретными единицами, и особенно восприятием бессмысленных звукосочетаний (точнее — фонемных сочетаний).

Можно предположить, что в памяти носителей данного языка хранится некоторое число звуковых образов, по видимому, превышающее число фонем этого языка, обладающих определёнными акустическими характеристиками и позволяющих носителю языка «узнавать», какую фонему каждый из них представляет в соответствующей фонетической позиции. Такое предположение было экспериментально подтверждено Л. А. Вербицкой, назвавшей такие образцы эталонами [Вербицкая 1964].

Итак, тезис о том, что в определении фонемы ведущую роль играет лингвистический аспект, не означает того, что физические характеристики звуков не имеют при этом никакого значения или же имеют второстепенное значение. Правильнее будет сказать, что объективные свойства звуков играют не второстепенную, а подчинённую роль. Это значит, что физическое различие звуков само по себе не определяет соответствующих фонемных отношений, но если ему соответствует противопоставление фонем, то объективные характеристики звука оказываются связанными с определённой фонемой, которую этот звук представляет в данной фонетической позиции. Именно благодаря этому и возможна идентификация фонемы в каждом конкретном случае. Если бы дело обстояло иначе, то, как уже было сказано выше, носитель языка не был бы способен определить фонемный состав услышанного слова или же бессмысленного сочетания фонем. Вместе с тем опыт показывает, что он обладает такой способностью.

В общем, связь между звуковой субстанцией и фонемными отношениями можно выразить в следующей формуле: различие звуков само по себе не означает обязательно наличия фонемного противопоставления, но при отсутствии звукового различия фонемное противопоставление невозможно. Если звук речи, как мы видели, говорит только о том, что перед нами некая фонема, то аллофон указывает на то, какая это именно фонема. Такой способностью аллофон обладает благодаря тому, что он определяется (обусловлен) фонетической позицией.

Аллофон представляет собой некое обобщение, абстракцию. Это не индивидуально произнесённый звук, а возможное произношение (воплощение) фонемы в определённой фонетической позиции. Это не «а», произнесённое однажды в таком-то русском слове таким-то носителем русского языка, а произношение «а» любым носителем русского языка в данной фонетической позиции. Произношение это варьирует бесконечно от случая к случаю. Поэтому аллофон и представляет собой известную абстракцию, хотя его звуковое воплощение и обладает некоторыми инвариантными артикуляторно-акустическими характеристиками.

Можно сказать, что отрезок речи (звук речи), рассматриваемый безотносительно к фонетической позиции, представляет «некую» фонему, тогда как аллофон, т. е. звук речи в опреде-

лённой фонетической позиции, представляет «данную» фонему. Например, гласный из слова *сядь*, взятый сам по себе, по своим объективным характеристикам и по восприятию носителей русского языка может быть принят и за «э» и за «а»; взятый же в положении между двумя палатализованными согласными, как это имеет место в слове целиком, он отождествляется только с фонемой /a/ как её аллофон. Определяется же это тем, что в данных фонетических условиях звуки речи, представляющие другие гласные русского языка, будут иметь иные объективные признаки.

[Ж.] Дифференциальный признак

Неделимая линейно, фонема может рассматриваться как некая структура, характеризующаяся определёнными признаками. Последние связаны с артикуляторно-акустическими признаками тех звуков, которые представляют фонему. Это и дало Бодуэну основание для следующего утверждения: «Однако ж фонемы не представляют вовсе дальше уже не разложимых единиц; они являются результатом совокупного действия нескольких органов речи в нескольких местах произносительного аппарата и объединяются большею или меньшею одновременностью исполнения этих нескольких работ» [Бодуэн 1917: 46–47].

Представления отдельных работ, «кинемы», как их называл Бодуэн, образуют такие признаки, которые устанавливаются безотносительно к другим звукам того же языка или же без сравнения их с возможными типами звуков. Они выявляются через полный анализ артикуляций, определяющих характер данного звука. Подробно такой анализ дан у О. Йесперсена, строящего на этом основании свою алфавитическую транскрипцию [Jespersen 1899: 13]. С рассматриваемой точки зрения число признаков для всех звуков должно быть одинаковым, и оно будет равно шести в соответствии с числом активных произносительных органов: лёгких, голосовых связок, фаринкса, нёбной занавески, языка, губ. Работа или положение каждого из этих органов создаёт признак, являющийся переменной величиной; описание данного звука выражается через соответствующее значение каждой из этих величин, т. е. через положение каждого органа, необходимое для образования того или иного звука.

Так, артикуляция согласного /s/ может быть описана в следующих признаках: 1) лёгкие выдыхают воздух, 2) голосовая

щель раскрыта, 3) фаринкс сужений не имеет, 4) нёбная занавеска поднята, 5) язык своей передней частью образует у альвеол передних зубов щелевидную преграду, средняя и задняя часть спинки языка опущены, 6) губы раскрыты. Принципиально так же будет выглядеть описание признаков любого гласного; перечень признаков при этом будет оставаться тем же; для /u/, например, оно будет выглядеть так: 1) лёгкие выдыхают воздух, 2) голосовые связки сближены и вибрируют, 3) фаринкс весь несколько сужен вследствие оттянутости корня языка назад, 4) нёбная занавеска поднята, 5) задняя часть спинки языка приподнята, 6) губы вытянуты вперёд, значительно сближены и округлены.

Признаки, описанные выше, можно было бы вслед за Н. Ф. Яковлевым назвать интегральными [Яковлев 1923: 74–75]. Они описывают артикуляцию звука, но это отнюдь не обязательно; можно описать интегральные признаки и в акустических терминах, т. е. охарактеризовать спектр звуков. В таком случае признаками будут: частотное положение составляющих, их относительная интенсивность, длительность.

Интегральными признаками звук характеризуется как таковой безотносительно к другим звукам. При сравнении звуков, при их классификации приходится иметь дело с различительными, дифференциальными признаками. Набор и номенклатура таких признаков иные, чем у интегральных, они больше, прежде всего, потому, что для различения важно дифференцировать разные положения одного и того же органа или же разные отношения значений составляющих спектра. А в определённых случаях можно не учитывать положения всех органов. Так, при классификационном подходе губные противопоставляются язычным; причём, в таких случаях часто говорят, что при произнесении губных согласных «не участвует язык». Это, разумеется, не соответствует действительности, так как язык не может не занимать никакого положения, поскольку он всегда имеется в речевом тракте.

Выбор дифференциальных признаков, используемых в описании, диктуется системой данного языка. Так, в классификации русских согласных, положение языка учитывается и в характеристике губных, так как в русском приходится различать палатализованные и непалатализованные. В универсальных классификациях стремятся учитывать все потенциально воз-

возможные противопоставления. Таким образом, во всякой классификации неявно присутствует фонологический момент, что, конечно, не означает того, что всякая классификация является фонологической. Напротив, универсальная классификация не может быть фонологической.

Теория дифференциальных признаков в современной фонологии восходит к Трубецкому; с Бодуэном её связывает только признание того, что наименьшей структурной (не линейной, конечно!) единицей является не фонема, а различительный признак её.

По Трубецкому, признаки, артикуляторно-акустически характеризующие звук речи, делятся на фонологически релевантные (существенные) и иррелевантные (несущественные). Соответственно одно из встречающихся у него определений фонемы гласит: «Можно сказать, что фонема — это совокупность фонологически существенных признаков, свойственных данному звуковому образованию» [Трубецкой 1960: 45]. Не останавливаясь здесь на критике этого определения (см. с. ...¹⁶), надо сказать, что для понимания сущности дифференциального признака громадную роль сыграло определение Трубецкого, по которому релевантным является тот признак, который является общим для всех вариантов данной фонемы, и который отличает её от других и прежде всего от близкородственных фонем в данном языке [Трубецкой 1960: 73].

На практике и сам Трубецкой и, в общем, можно сказать, все фонологи и до сих пор забывают слова об отличии данной фонемы от всех остальных и определяют дифференциальные признаки только по близкородственным фонемам; иными словами, по привативным оппозициям. Поэтому, глухость русской фонемы /x/ считается иррелевантным признаком, так как фонемы, которая отличалась бы от /x/ только звонкостью, в русском языке нет. А то, что /x/ противопоставляется и /z/, /ž/, /g/ и другим звонким фонемам во внимание не принимается. Слова Щербы о том, что «каждая фонема определяется, прежде всего, тем, что отличает её от других фонем того же языка» [Щерба 1963: 20], не привлекли к себе должного внимания. Вместе с тем, если иметь в виду не только парадигматический план, не

¹⁶ *Примечание издателей:* Критический разбор не вошёл в текст рукописи, ср. соответствующий раздел «Общей фонетики» (1979: 42–45).

только инвентарь фонем, но и синтагматический план, сочетаемость фонем в языковых единицах, то изолированное рассмотрение только привативных оппозиций не может быть оправданно.

В самом деле, хотя глухость не выявляется в /x/ как единственный признак, отличающий этот согласный от какого-нибудь другого в русском языке, она должна быть признана фонологически существенной для него. Это видно из того, что /x/ подобно всем другим глухим требует перед собой только глухого согласного, обуславливая соответствующее чередование; ср., например, /rasxa'd'itca/ *расходиться*, но /razd'i'l'itca/ *разделиться* и т. п.

Если исходить из того, что фонема противопоставлена в сем фонемам данного языка, то можно прийти и к отрицанию наличия у фонем дифференциальных признаков вообще, как это делал Л. Ельмслев [Hjelmslev 1947: 75], и как это стремились доказать Г. В. Воронкова и М. И. Стеблин-Каменский [1970: 23]. В непосредственном наблюдении дано только различие целостных фонетических единиц, в которых реализуются разные фонемы.

Против такой точки зрения трудно было бы возражать, если бы в языках не наблюдалось семасиологизации и морфологизации отдельных признаков, о чём писал Бодуэн, и что, собственно, и заставило его говорить о расчленении фонемы на кинемы и акузмы. Такой различительный признак, как палатализация, несомненно, имеет в русском языке словообразовательную и словоизменительную функцию. Об этом свидетельствуют многие явления морфонологического характера. Палатализация служит для образования повелительного наклонения (*сядь, брось, глянь*), отсюда в детском языке /vz'an'/ от /vz'at'/; палатализация используется для образования имён существительных из прилагательных (*бель, синь, круть*). Вместе с соответствующими окончаниями палатализация служит выражением того или иного падежа существительного (*о лесе, о даме*), множественного числа существительного (*соседи*) и т. п.

Аналогичным образом дело обстоит с признаком глухости, например, в русском и немецком языках, где этот признак связан с нулевыми окончаниями, характеризующими тот или иной падеж (русск. /got/ *год*, /lop/ *лоб*, /rok/ *роз*; нем. /ra:t/ *Rad*, /lo:p/ *Lob*, /ta:k/ *Tag* и т. п.), или соответствующую глагольную форму (русск. /v'os/ *вёз*, нем. /ga:p/ *gab* и т. п.).

В общем, можно сказать, что во всех случаях морфологизованных чередований различительный признак приобретает функциональное значение. В сущности, почти все морфонологические явления связаны с различительными признаками. Почти во всех случаях чередований, запретов сочетаемости, ограничения позиций употребления мы имеем дело не с единичными разнородными фонемами, а с группами фонем, связанных тем или иным признаком.

Наконец, нельзя пренебрегать тем, что наблюдается в речевом поведении говорящих, в частности, в детской речи и в речи афатиков. Замены фонем, которые здесь происходят, являются заменами по различительным признакам.

Таким образом, отрицать реальность дифференциальных признаков, по-видимому, нельзя; нужно только дать этому понятию более точное определение и помнить, что набор дифференциальных признаков определяется всей системой фонем, а не связывать его только с привативными оппозициями.

Дифференциальным для данного языка будет признак, который является единственным признаком, различающим хотя бы одну пару фонем в этом языке. Так, в немецком языке однофокусность и двухфокусность различает только /s/ и /š/; тем не менее, этот признак входит в перечень дифференциальных признаков согласных фонем немецкого языка. Поэтому он распространяется и на фонему /z/, хотя двухфокусной фонемы, с которой она составляла бы привативную оппозицию, в немецком языке нет. Обнаруживается этот дифференциальный признак в противопоставлении /z/ — /š/. Равным образом признак носовой-неносовой наличен в русском /g/, хотя носового заднеязычного, с которым /g/ образовало бы привативную оппозицию, в русском языке нет. Неносовой характер этого согласного может быть выявлен только при его противопоставлении носовым /n/, /n'/, /m/, /m'/.

Напротив, палатализация не будет дифференциальным признаком в немецком точно так же, как лабиализация в немецком и в русском, потому что первый признак не различает ни одной пары фонем в немецком языке, а второй признак никогда не используется как единственно различительный ни в русском, ни в немецком.

Итак, понятие дифференциального признака может быть приведено в соответствие с тем основным положением, что

каждая фонема противопоставлена всем остальным фонемам данного языка.

В традиционной теории дифференциальных признаков имеется ещё одна, можно сказать, более серьёзная погрешность. Заключается она в отождествлении дифференциального признака с его физическим коррелятом. Трубецкой говорит, что ни один звук не может рассматриваться как фонема, потому что он, кроме релевантных, содержит иррелевантные признаки, сущность же фонемы определяется только первыми. В этом утверждении Трубецкого кроется мысль, что все признаки имеют физическую природу, что и релевантные признаки имеют постоянные физические свойства. В своей известной статье 1947 года «Où en est la phonologie?» А. Мартине, признавая релевантный признак, а не фонему основной единицей фонологии, писал о нём: «Это то, что мы берём от субстанции, это единственная единица, для которой мы постулируем реальное существование» [Martinet 1947: 46]. В советском языковедении эта точка зрения сформулирована самым недвусмысленным образом Б. Н. Головиным во «Введении в языковедение», где мы читаем: «Различительные (дифференциальные) признаки фонемы — не абстракция, созданная умом учёных, а физическая реальность, поддающаяся строгому и точному измерению и описанию» [Головин 1966: 43].

Из сказанного видно, что фонема рассматривается как абстрактная единица, а составляющие фонему релевантные признаки — как физические. Такое построение логически недопустимо, как верно указывал С. К. Шаумян, оно и не соответствует действительному положению вещей. Как фонема, так и дифференциальный признак соотносятся с их артикуляторно-акустическими коррелятами как сущность и явление.

Единство дифференциального признака не означает тождественности его коррелятов. Если снова обратиться к такому признаку, как палатализация согласных в русском языке, то мы увидим, что в разных группах согласных она характеризуется разными чертами. Так, /t/ будет иметь аффрикатный характер и отличаться, таким образом, от /t/ двумя чертами (аффрикатностью и мягкостью), причём обе они сохраняются во всех аллофонах. Заднеязычный /k/ не имеет первого признака: он отличается от /k/ как «высокий» от «низкого» по терминологии Якобсона, Фанта и Халле. Мягкость губного /p'/ выявляется в слого

[Бондарко, Павлова 1967; Bondarko 1969], в [i]-образном начале следующего за ним гласного, а в абсолютном конце в «дизности» взрыва. Неодинаковыми будут и различия между щелевыми согласными, разными по шумообразующему органу. К сказанному следует ещё добавить, что противопоставление мягких согласных твёрдым в русском языке осуществляется не только наличием палатализованности в том или ином виде, но и отсутствием веляризованности [Зиндер, Бондарко, Вербицкая 1964].

Естественно возникает вопрос, каким же фактором обуславливается то несомненное обстоятельство, что палатализация является единым признаком в русском языке? Ответ на него был дан выше: таким фактором является единство семасиологическое, его однозначная морфологизация во всех согласных. Именно этим объясняется и то, что мы говорим о палатализованном /t'/, а не [c'], хотя последнее было бы фонетически более обосновано. А обусловлено это тем, что в морфологизованных чередованиях /t'/ всегда образует пару с /t/, но никогда не образует пары с /c/.

На примере противопоставления /t/ — /t'/ мы видим, что дифференциальный признак образуется не одним фонетическим признаком. Такой случай можно считать типичным; звонкие согласные отличаются от глухих, как правило, не только участием голоса, но и силой или напряжённостью, а в немецком, английском и в ряде других языков ещё и отсутствием придыхания. Долгие и краткие гласные в немецком различаются и по длительности, и по качеству, и по стыку с последующим согласным. Часто не все такие признаки обнаруживаются во всех позициях, т. е. во всех аллофонах. Тогда, исходя из положения Трубецкого о том, что различительным является признак, общий для всех аллофонов, и основываясь на утверждении Якобсона, Фанта и Халле, что такой различительный признак должен иметь свой постоянный коррелят [Якобсон, Фант, Халле 1951/1962: 241], фонологи ищут, какой же из фонетических признаков является подлинно различительным.

Так, например, в отношении признака глухости-звонкости в немецком или английском языке стремятся определить, что именно различает соответствующие согласные: звонкость, придыхательность, сила или ещё что-нибудь. Надо сказать, что многие работы по диахронической фонологии построены именно на этом. И это несмотря на авторитет Мартине, который

писал, что лингвистам надо запретить заниматься такого рода поисками [Martinet 1965: 138]. Мартине был, безусловно, прав: поиски дифференциального признака в таком его понимании — это чистая схоластика.

Дифференциальный признак, так же как и фонема, сложным образом соотносится с представляющей его звуковой материей, он так же представляет собой абстрактную единицу, единство которой, в конечном счёте, определяется смысловыми отношениями, опосредованными через фонологическую систему языка.

Как стремился показать Мартине, то общее, что объединяет дифференциальный признак в разных условиях употребления фонемы, имеет относительный характер. Ту же мысль можно найти у Якобсона и его соавторов: об этом говорят и их описания дифференциальных признаков, которые они всегда характеризуют как более или менее «высокие», более или менее «напряжённые» и т. п. Однако они недостаточно подчёркивают это; а создавая впечатление, будто из дифференциальных признаков можно «собрать» фонему, эти авторы дали повод говорить об особом уровне дифференциальных признаков, тогда как понятие дифференциального признака является производным от фонемы. Пока неизвестно, что в русском языке носовые и неносовые гласные не противопоставлены фонологически, нельзя сказать, является ли назальность дифференциальным признаком.

[3.] Фонема и морфема

Вопрос о признании автономности фонемы, являющийся основным вопросом, разделяющим щербовскую и московскую фонологические школы, приобрёл в последнее время актуальность и на Западе благодаря широкому распространению идей и методов генеративной фонологии. Строго говоря, наименование «генеративная фонология» противоречит основным положениям, защищаемым её авторами, поскольку они идут от морфемы непосредственно к фонетическому воплощению её через дифференциальные признаки, минуя фонему. Не случайно М. Халле в работе, относящейся ещё к 1959 г., устанавливая состав фонем русского языка, говорит не о фонемах, а о морфонемах [Halle 1959].

Речевое поведение говорящих в самом широком смысле слова (создание буквенного письма, практика обучения буквенному письму детей, восприятие и воспроизведение незнакомых

слов и т. п., на что неоднократно указывалось в литературе) не может быть понято, если не основываться на автономном существовании фонем в языковой системе. Такое понимание вещей, естественно, исходит из того, что речевое поведение человека обусловлено языковой системой, знание которой является обязательным условием для речевой деятельности. В таком случае последняя определяется не столько физиологическими потенциями говорящего, сколько его принадлежностью к тому или иному языковому коллективу; говорящий выступает не как человек вообще, а как носитель данного языка.

Существует, правда, и иная точка зрения, представленная покойным П. С. Кузнецовым (1899–1968). Как известно, он, очевидно, в стремлении объяснить идентификацию таких звуковых единиц в слове, которые не могут быть определены через сильную позицию (например, первый согласный слова *стол*), пришёл к понятию «звука языка» (не «речи»!!). Он, по-видимому, не заметил того, что делает этим уступку взглядам Л. В. Щербы, а также и Р. И. Аванесова, который нашёл выход в признании реальности и «щербовской» фонемы. П. С. Кузнецов как бы «отмежёвывается» от этих взглядов тем, что даёт понятию «звук языка» чисто акустическую трактовку. При этом он, по-видимому, не учёл того, что лишает его реальной почвы. Акустическое сходство или несходство — понятия зыбкие. Для человека они определяются его фонетическим опытом и, главным образом, фонологической системой его родного языка. Сходно то, что фонологически не различается в языке слушающего, не сходно то, что различается в его языке¹⁷.

Интересно, что один из виднейших советских акустиков речи, Л. А. Варшавский, стремившийся ввести понятие «звукотипа» [Варшавский 1964: 10]¹⁸, относил к числу обязательного признака его смыслоразличительную функцию.

Всё сказанное позволяет утверждать, что факты, наблюдаемые в речевой деятельности, говорят об автономности фонемы.

¹⁷ В этой связи любопытен следующий факт. Один француз — преподаватель русского языка, совершенствовавший в Советском Союзе своё произношение, сказал после нескольких месяцев занятий своему преподавателю: «Не думаете ли Вы, что разница между словами *мел* и *мель* не в согласных, а в гласных?»

¹⁸ Следует заметить, что это понятие близко и понятию «звук языка» П. С. Кузнецова [Кузнецов 1959: 31].

Значит ли это, однако, что между фонемой и морфемой нет никакой связи? Разумеется, нет. Такой ответ невозможен, поскольку фонема — это единица плана выражения, которая только вместе с планом содержания образует языковую единицу (языковой знак) — морфему¹⁹.

Связь между фонемой и морфемой обнаруживается как при синтагматической, так и при парадигматической идентификации фонемы.

Как при синтагматической, так и при парадигматической идентификации фонемы мы обращались к смысловому членению речи и к минимальной единице такого членения, к морфеме. Возникает вопрос, который дебатировался сейчас в фонологии: допустимо ли в фонологическом анализе пользоваться морфологическими фактами, а если допустимо, то в каких пределах.

В самом общем виде закономерность такой методики не может вызывать сомнения, поскольку теория фонемы имеет своим основным принципом функциональный подход к звуковым явлениям, который заключается в установлении их лингвистической значимости. «Фонология, — как писал Трубецкой, — должна исследовать, какие звуковые различия в данном языке связаны со смысловыми различиями...» [Трубецкой 1960: 18]. Следовательно, обращение к значащим единицам языка не только допустимо, но и необходимо, и вопрос может ставиться лишь о границе фонологического и морфологического, о том, что относится к морфологической системе языка, а что — к фонологической. Сложность же вопроса заключается в том, что звуковой облик морфемы, цепочка фонем, образующая его, это одна из сторон той же морфемы, её план выражения, составляющий с планом содержания неразрывное единство.

Что касается вопроса о членимости той или иной звуковой последовательности, то здесь едва ли может возникнуть сомнение в том, что то, что морфологически разделяется на две единицы, не может не расчлениваться и фонологически; если, например, в слове *поднос* /padnos/ согласный /d/ завершает приставку (точнее следовало бы сказать план выражения приставки), а согласный /n/ начинает корень этого слова, то эта их функция

¹⁹ Речь здесь уместно вести о морфеме как о минимальной единице языка.

безоговорочно свидетельствует о том, что перед нами две фонологические единицы. При этом необходимо подчеркнуть, что дело не изменится и от того, что фонетически эти две согласных фонемы могут образовывать одно целое в виде [dⁿ] с факультальным взрывом.

Вместе с тем морфемная членимость вовсе не должна иметь место в каждом отдельном случае, где встречается соответствующее сочетание; достаточно, чтобы она была засвидетельствована в данном языке; так, благодаря случаям, подобным слову *поднос*, сочетание /dn/ членился на две фонемы и в словах: *дно*, *одна* и т. п. Объясняется это тем, что через морфологические и другие смысловые отношения фонологические отношения получают самостоятельность (см. с. 898).

Ввиду того, что эта самостоятельность оспаривается некоторыми фонологическими школами (московской фонологической школой, генеративной фонологией), на этом вопросе следует остановиться специально. Можно считать очевидным, что правильнее, т. е. адекватнее своему объекту будет та теория или гипотеза, которая имеет бóльшую объяснительную силу. С этой точки зрения достаточно сослаться на речевое поведение носителей языка, которое во всех случаях может быть понято, если признавать автономность фонологического аспекта, тогда как непризнание её закрывает путь к пониманию многих элементов такого поведения. В качестве примера можно указать на процесс обучения письму такого типа, как например, русское, при котором учитель свободно оперирует фонемами, не обращаясь при этом к соответствующим морфемам.

Если связь между морфемной членимостью и фонемной достаточно очевидна, то в отношении парадигматической идентификации фонем вопрос решается несколько сложнее. Дело в том, что тождество морфемы не означает тождества фонем, входящих в её план выражения. Не подлежит сомнению, что в словоформах *ходят* — *хожу* — *ходы* мы имеем один и тот же корень; несмотря на это, столь же очевидно, что последняя фонема корня в них неодинакова. Очевидность этого определяется тем, что согласные /d', /ž/ и /d/ являются в русском языке разными фонемами, поскольку они позиционно необусловлены и употребление того или иного из них может быть связано с тем, что он является обязательным элементом плана выражения какого-нибудь слова или морфемы русского языка

(ср. /d'ad'a/, /žar/, /dat'/ и т. п.). К разным фонемам относятся также гласные «о» и «е» в /paɒɒ/ и /m'el'n'ik/, поскольку появление первого или второго не обусловлено внешне. Об этом свидетельствуют факты, подобные /pa'tok/ и /patt'ok'i/, из которых видно, что замена непалатализованного окружения палатализованным не ведёт к замене /o/ на /e/.

Из приведённых примеров видно также и то, что /o/ и /e/ могут встречаться в одинаковых фонетических условиях (между двумя палатализованными согласными); следовательно, появление того или иного из них связано в русском языке со смысловыми отношениями. Поэтому они представляют две фонемы.

Равным образом ясно, что и в случае /xot/ — /xoda/ (*xod* — *xoda*) тождество корневой морфемы само по себе не обуславливает тождества последней в морфеме согласной фонемы. И наоборот, нет никаких оснований утверждать, что /t/ в слове /kot/ относится к иной фонеме, чем /t/ в /xot/, только потому, что оно, в отличие от последнего, не чередуется с /d/. Как и в предыдущем случае это вытекает из самостоятельности фонем /t/ и /d/. То обстоятельство, что замена /d/ на /t/ здесь позиционно обусловлена, не меняет сути дела. Это позволяет говорить лишь о том, что противопоставление /d/ — /t/ имеет позиционные ограничения, или в иной терминологии: нейтрализуется в определённых позициях.

Иначе дело обстоит в том случае, когда позиционно чередуются звуки, никогда не противопоставленные фонологически в данном языке. Тогда нет лингвистического повода различать их как разные единицы этого языка; всегда только фонетически обусловленное чередование их в одной и той же морфеме делает их разновидностями одной фонемы. Иными словами: для того, чтобы представлять одну фонему, звуки должны чередоваться в пределах одной морфемы, однако не все звуки, чередующиеся в морфеме, будут относиться к одной фонеме. Хотя фонемы конституируются благодаря их связям со значащими единицами языка, они, как об этом говорилось подробно выше, становятся автономными единицами. Поэтому они могут различать план выражения как различных знаков языка, так и одного и того же знака.

Итак, можно сказать, что «лингвистичность» такой единицы, как фонема, и вместе с этим «лингвистичность» фонологии в целом и определяется необходимой связью между планом

выражения и планом содержания языкового знака и, в первую очередь, минимальной знаковой единицы — морфемы. Вместе с тем, получив языковую значимость через морфему, фонема и весь инвентарь фонем данного языка приобретают в известном смысле автономность.

Говоря об известной автономности, следует подчеркнуть, что она не означает изолированности фонологии от морфологии. Интересно, что структурализм, выдвинувший в противовес младограмматическому атомизму тезис о целостности языка, пришёл в своём развитии к теории уровней, по существу, противоречащей этому тезису. Самый термин «структурализм» говорит о связанности отдельных частей. Теория же уровней на деле привела к тому, что уровни рассматриваются как этажи здания, которые отчётливо отделены один от другого. Если обнаруживается область, свидетельствующая о тесной связи и, может быть, даже о некотором взаимопроникновении отдельных сторон языка, то эту область объявляют особым уровнем.

Так случилось, например, с «морфонологией». Очевидная связь между фонологическими закономерностями и морфологией (может быть, здесь лучше сказать — «морфемикой») дала повод к выделению особого уровня, который занимает по иерархии промежуточное положение между фонологией и морфологией.

Едва ли правомерно говорить и о фонологическом уровне²⁰. Несмотря на то, что инвентарь фонем представляется независимым от морфологии, нельзя забывать, что он относится только к плану выражения, и поэтому уровнем языка, который обладает не только планом выражения, но и планом содержания, инвентарь фонем и система фонем быть не могут.

План выражения тесно связан с планом содержания. Свидетельством тому и являются, в частности, закономерности, носящие сейчас название фономорфологических или морфонологических. Наличие этой связи требует от исследователя любого языкового явления учитывать соответствующие факты, относящиеся к разным сторонам языка. В фонологической литературе, однако, такая точка зрения не может считаться общепризнанной.

²⁰ Учитывая всё сказанное в разделе А настоящей главы, понятие «фонетический уровень» представляется мне просто бессмысленным.

Хрестоматийным примером, который должен служить для иллюстрации положения о том, что фонетическое различие само по себе не означает различия фонем, являются так называемые *ach-Laut* и *ich-Laut* немецкого языка. Первым этим примером воспользовался, как будто, Трубецкой, который писал: «противоположение „*ich-Laut*“ — „*ach-Laut*“ всегда сопровождается противоположением предшествующих гласных и, таким образом, не может различать два слова в качестве единственного дифференцирующего средства» [Трубецкой 1960: 39]. Впоследствии утверждение о позиционной обусловленности /χ/ и /ç/ было опровергнуто, поскольку в немецком языке имеются слова типа *rauchen* ‘курить’ и *Frauchen* ‘дамочка’, где оба согласных следуют за одним и тем же гласным; более того, возможны даже минимальные пары, как, например, *Kuchen* ‘пирог’ и *Kuhchen* ‘коровка’, *tauchen* ‘нырять’ и *Tauchen* ‘росинка’ или ‘канатик’. Однако эти случаи были неожиданным образом отклонены на том основании, что /χ/ в них принадлежит корню, а /ç/ уменьшительному суффиксу, что употребление /ç/ здесь после гласных заднего ряда является «морфологической аттракцией». Трудно понять, почему это должно опровергать фонологическую значимость противопоставления /χ/ — /ç/. Если фонетически морфемная граница как таковая ничем не обозначена, то именно то обстоятельство, что в фонетически необусловленной позиции /ç/ является обязательным элементом звукового облика уменьшительного суффикса, и является достаточным доказательством фонематической самостоятельности этого согласного. Если мы по наличию в составе слова /χ/ или /ç/ определяем, содержит ли это слово данный суффикс или нет, значит, различие звуков [χ] и [ç] используется для слово-различения, а это ведь и есть достаточное доказательство фонологичности соответствующего противопоставления.

В общем, можно сказать, что весь смысл учения о фонеме в том и состоит, что она доказывает зависимость фонетических явлений от более «высоких уровней» языка.

[Глава 2]

Инвентарь фонем

Определение состава, или инвентаря фонем — это задача, которую приходится решать не только для совсем неизученных

или малоизученных языков. Пожалуй, нет такого языка, в отношении которого можно было бы сказать, что состав фонем в нём установлен окончательно и не вызывает никаких сомнений. Даже в таких языках как русский, при анализе которого учение о фонеме применяется уже почти сто лет, целый ряд фактов получает в трудах разных авторов различное истолкование.

Несовпадение взглядов лишь в малой степени объясняется расхождениями в трактовке самого понятия фонемы. В основном причина его лежит в различном подходе к определению той совокупности речевого материала, который подлежит фонемному анализу. Именно здесь мы наталкиваемся на глубокое расхождение между разными авторами, ведущее к несовпадению результатов.

Исходя из сказанного, необходимо, прежде чем рассматривать методы и правила установления состава фонем, определить принципы отбора исходного материала. Первое, на что нужно указать в этой связи, это необходимость точно ограничить объект исследования — соответствующий языковой идиом. Задача эта, как известно, не очень проста, особенно когда речь идёт не о диалектах, а о литературном или национальном языке. В основной, устной форме литературный язык очень часто представляет собой лишь не всегда точно очерченный идеал, а не реальность. В частности, трудной представляется эта задача при обращении ко многим языкам Советского Союза, переживающим сейчас бурный период развития.

Вторым принципом должно быть привлечение возможного максимума языкового материала. Этот принцип находится в согласии с общей задачей всякой науки — найти объяснение всему, что имеется и что происходит в её объекте. С этой точки зрения редкие явления представляют особый интерес и должны привлекать к себе особенно пристальное внимание исследователя. В практике фонологических изысканий мы, к сожалению, большей частью наблюдаем иной подход: большинство фонологов занимается, прежде всего, тем, что производят «отбор» подлежащего рассмотрению материала.

Первое, что исключается при этом, это заимствования, хотя осуществить «освобождение» от них практически невозможно, если принять во внимание широкие лексические связи, которые обнаруживаются в языках в самые разные периоды их развития и особенно — в последнее время. Заимствования, даже недав-

ние, вовсе не обязательно являются чужими элементами в заимствующем языке, не говоря уже об интернационализмах, которые по недоразумению зачастую также относят к заимствованиям.

Если не касаться здесь лексикологической стороны вопроса, то можно сказать, что в фонологическом аспекте все слова, независимо от их происхождения, произносимые всеми носителями данного языка в принципе одинаково, должны приниматься во внимание при фонологическом анализе. Только произношение, свойственное отдельным людям, владеющим языком-источником, которое можно было бы назвать «цитатным», не должно учитываться при определении инвентаря фонем заимствующего языка, равно как и все другие индивидуальные особенности, например — дефекты речи.

Такое цитатное произношение особенно распространено в собственных именах, но наряду с ним, как правило, существует и ассимилированная форма; см., например, /gø:te/ и /g'ote/ *Гёте*, /golswoɾs'i / и /golsuoɾs'i / *Голсуорси* и т. п. Разумеется, сочетание /swo/ в одном слоге или слог /gø:/ не могут считаться фактами русского языка. Напротив, /suo/ и /g'o/, подставляемые вместо соответствующих сочетаний английского и немецкого слова, не навязаны русскому произношению, а свидетельствуют о тех фонетических закономерностях, которые свойственны именно русскому языку. Одновременно они говорят и о чуждости того или иного явления фонологической системе русского языка.

Рассматриваемый вопрос принимает очень острые формы при определении состава фонем многих языков Советского Союза, лексика которых непрерывно обогащается за счёт заимствований из русского языка. В данном случае (а аналогичное явление наблюдается и в ряде других стран) мы имеем дело с относительно широко распространённым билингвизмом. Нельзя не учитывать того, что овладение лексикой и грамматическим строем, а также и стилевыми особенностями неродного языка, у билингвов существенно опережает овладение фонетической стороной. Нередко встречаются люди, прекрасно владеющие языком, но сохраняющие в большей или меньшей степени иностранный акцент.

При такой ситуации исследователь не должен опираться на произношение той части носителей языка, которая представ-

лена билингвами в полном смысле этого слова, т. е. теми, кто умеет произносить заимствования в соответствии с правилами языка-источника. Такая точка зрения тем более оправданна, что и билингвы, говоря на своём родном языке, в общем, производят заимствованные слова в соответствии с фонетическими закономерностями последнего.

Заимствованные слова нельзя исключать из фонологического анализа в первую очередь потому, что именно в них с особенной отчётливостью выступает то, что Щерба называл «отрицательным языковым материалом» [Щерба 1931/1974: 33], который свидетельствует о том, что невозможно в изучаемом языке, что является чуждым его фонетической системе. Анализ фактов родного языка не может этого дать без специальных экспериментов.

Кроме того, в заимствованиях скорее, чем в старых словах, могут обнаружиться новые закономерности. Так, палатализованное /g'/ перед гласными непереднего ряда, не употреблявшееся ранее в русском языке, едва ли могло бы появиться в старых словах. В самом деле, трудно представить себе, какая причина могла бы заставить заменить в словах *год*, *город* твёрдое /g/ на мягкое, но если старое ограничение оказалось преодолённым, то в новых словах никакого препятствия со стороны традиции к появлению ранее недопустимых сочетаний не существует, и новые законы дистрибуции легко в них распространяются.

Литература

- Белинская 1963 — Т. А. Белинская. Чередования в современном русском литературном языке. (Опыт фонологического анализа). Тбилиси, 1963.
- Бернштейн 1936 — С. И. Бернштейн. Фонема // Большая советская энциклопедия / гл. ред. О. Ю. Шмидт. Т. 58 Флора — Франция. М., 1936. Ст. 106–107.
- Бернштейн 1952 — С. И. Бернштейн. Против идеализма в фонетике // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Том XI, вып. 6. М., 1952. С. 541–559.
- Бодуэн де Куртенэ 1917 — И. А. Бодуэн де Куртенэ. Введение в языковедение. Изд. 5-е. Пг., 1917. (Переиздание: И. А. Бодуэн де Куртенэ. Введение в языковедение [извлечения] // Избранные труды по общему языкознанию. Т. II. М. 1963. С. 246–293.)
- Бодуэн де Куртенэ 1895/1963 — И. А. Бодуэн де Куртенэ, Опыт теории фонетических альтернатив // И. А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. М., 1963. С. 265–

347. (Оригинал: J. Baudouin de Courtenay. Versuch einer Theorie phonetischer Alternationen. Ein Capitel aus der Psychophonetik. Strassburg, 1895.)
- Варшавский 1964 — Л. А. Варшавский. Об автоматическом распознавании речи // Вопросы радиоэлектроники. Серия XI: Техника проводной связи. Вып. 1. М., 1964. С. 5–22.
- Вербицкая 1964 — Л. А. Вербицкая. О звуковых эталонах русской речи (на материале гласных) // Вопросы фонетики. Л., 1964. С. 55–71. (Учёные записки ЛГУ, № 325; Филологический факультет, серия филологических наук, вып. 69.) (Переиздание: Л. А. Вербицкая. Избранные статьи. СПб., 2022. С. 15–31.)
- Воронкова, Стеблин-Каменский 1970 — Г. В. Воронкова и М. И. Стеблин-Каменский. Фонема — пучок РП? // Вопросы языкознания, 1970, № 6. С. 15–26. (Переиздание: М. И. Стеблин-Каменский. Труды по филологии. СПб., 2003. С. 675–688.)
- Газов-Гинзберг 1965 — А. М. Газов-Гинзберг. Был ли язык изобразителен в своих истоках? М., 1965.
- Головин 1966 — Б. Н. Головин. Введение в языкознание. М., 1966.
- Гордина 1966 — М. В. Гордина. О различных функциональных звуковых единицах языка // Исследования по фонологии. М., 1966. С. 172–183.
- Зиндер 1960 — Л. Р. Зиндер. Общая фонетика. Л., 1960.
- Зиндер, Бондарко, Вербицкая 1964 — Л. Р. Зиндер, Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая. Акустическая характеристика различия твёрдых и мягких согласных в русском языке // Вопросы фонетики. Л., 1964. С. 28–36. (Учёные записки ЛГУ, № 325; Филологический факультет, серия филологических наук, вып. 69.)
- Иванов, Поливанов 1930 — А. И. Иванов, Е. Д. Поливанов. Грамматика современного китайского языка. М., 1930.
- Иванова-Лукьянова 1966 — Г. Н. Иванова-Лукьянова. О восприятии звуков // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1966. С. 136–143.
- Крейнович 1937 — Е. А. Крейнович. Фонетика нивхского (гиляцкого) языка. М.; Л., 1937.
- Кузнецов 1959 — П. С. Кузнецов. Об основных положениях фонологии // Вопросы языкознания, 1959, № 2. С. 28–35. (Переиздание: А. А. Реформатский. Из истории отечественной фонологии: очерк, хрестоматия. Москва, 1970: 470–480.)
- Маркс 1867/1963 — К. Маркс. Капитал. Критика политической экономии. Т. I. М., 1963. (Оригинал: К. Marx. Das Kapital. Kritik der politischen Ökonomie. Bd. I. Hamburg, 1867.)
- Мартине 1960/1963 — А. Мартине. Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике, III. Москва, 1963. С. 366–566. (Оригинал: A. Martinet. Éléments de linguistique générale. Paris, 1960.)

- Орлова 1966 — Е. В. Орлова. О восприятии звуков // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1966. С. 144–154.
- Реформатский 1967 — А. А. Реформатский. Введение в языковедение. Изд. 4-е. М., 1967.
- Соссюр 1916/1933 — Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. М., 1933. (Переиздание: Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 31–273; Оригинал: F. de Saussure. Cours de linguistique générale. Lausanne; Paris, 1916.)
- Тронский 1967 — И. М. Тронский. Общеиндоевропейское языковое состояние (вопросы реконструкции). Л., 1967.
- Трубецкой 1960 — Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960.
- Фант 1960/1964 — Г. Фант. Акустическая теория речеобразования. М., 1964. (Оригинал: G. Fant. Acoustic theory of speech production. 's-Gravenhage, 1960.)
- Шаумян 1962 — С. К. Шаумян. Проблемы теоретической фонологии. М., 1962.
- Щерба 1912 — Л. В. Щерба. Русские гласные в качественном и количественном отношении. СПб., 1912.
- Щерба 1931/1974 — Л. В. Щерба. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Л. В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1979. С. 24–39. (Впервые: Известия АН СССР. Серия общественных наук. 1931. № 1. С. 113–129.)
- Щерба 1963 — Л. В. Щерба. Фонетика французского языка. Изд. 7-е. М., 1963.
- Щерба, Виноградов 1952 — Л. В. Щерба, В. В. Виноградов. Введение // Грамматика русского языка / АН СССР, Институт языкознания. Т. I: Фонетика и морфология. М., 1952. С. 7–45.
- Якобсон, Фант, Халле 1951/1962 — Р. Якобсон, Г. Фант, М. Халле. Введение в анализ речи: различительные признаки и их корреляты [извлечения] // Новое в лингвистике. Вып. II. М., 1962. С. 173–230. (Оригинал: R. Jakobson, C. G. M. Fant, M. Halle. Preliminaries to speech analysis: the distinctive features and their correlates. Cambridge, 1951.)
- Якобсон, Халле 1957/1962 — Р. Якобсон, М. Халле. Фонология и её отношение к фонетике // Новое в лингвистике. Вып. II. М., 1962. С. 231–278. (Оригинал: R. Jakobson, M. Halle. Phonology in relation to phonetics // Manual of phonetics / ed. by L. Kaiser. Amsterdam, 1957. P. 215–251.)
- Яковлев 1923 — Н. Ф. Яковлев. Таблицы фонем кабардинского языка. М., 1923. (Теоретическая часть перепечатана: Н. Ф. Яковлев. Принципы фонемологии // Вопросы языкознания. 1983, № 6. С. 128–134.)

- Bondarko 1969 — L. V. Bondarko. The Syllable Structure of Speech and Distinctive Features of Phonemes // *Phonetica: International Journal of Phonetics*, 1969, Vol. 20, No. 1. P. 1–40.
- Fant, Lindblom 1961 — G. Fant, B. Lindblom. Studies of minimal speech and sound units // *Speech Transmission Laboratory; Quarterly Progress Report, 2 / Royal Institute of Technology. Stockholm*, 1961. P. 1–11.
- Fröhlich 1925 — A. Fröhlich. Zusammenhang zwischen *Lautform* und *Bedeutung* bei englischen Wörtern // *Die neueren Sprachen*. Bd. XXXIII. 1925. H. 1 (Januar — Februar), S. 27–42; H. 2 (März — April), S. 127–141.
- Gemelli, Pastori 1934 — A. Gemelli, G. Pastori. Analyse électrique du langage // *Archives néerlandaises de phonétique expérimentale*. Tome X. La Haye, 1934. P. 1–29.
- Halle 1959 — M. Halle. *The Sound Pattern of Russian*. The Hague, 1959. (Русский перевод: М. Халле. Фонологическая система русского языка // *Новое в лингвистике*. Вып. II. М., 1962. С. 299–339.)
- Hammarström 1966 — G. Hammarström. *Linguistische Einheiten im Rahmen der modernen Sprachwissenschaft*. Berlin; Heidelberg; New York, 1966. (Kommunikation und Kybernetik in Einzeldarstellungen, Bd. 5.)
- Hjelmslev 1947 — L. Hjelmslev. Structural analysis of language // *Studia Linguistica*, vol. I, issue 1. Lund, 1947. P. 69–78. (Переиздание: L. Hjelmslev. *Essais linguistiques*. Copenhagen, 1959 (Travaux du Cercle linguistique de Copenhagen, vol. XII). P. 27–35; русское издание: Л. Иельмслев. Метод структурного анализа в лингвистике // *Acta Linguistica*, vol. VI, fasc. 2–3. Copenhagen, 1950–1951. P. 57–67; перепечатано в: В. А. Звегинцев. *История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях*. М., 1965. С. 103–110.)
- Jakobson 1941 — R. Jakobson. *Kindersprache, Aphasie und allgemeine Lautgesetze*. Uppsala, 1941. (Также: // *Uppsala universitets årskrift* 1942: 9: Språkvetenskapliga sällskapet i Uppsala förhandlingar, Jan. 1940 — Dec. 1942. Uppsala; Leipzig, 1942. S. 1–83; переиздание: R. Jakobson. *Selected writings*. Vol. I: *Phonological studies*. The Hague, 1962. P. 328–401; английский перевод: R. Jakobson. *Child language, aphasia, and phonological universals*. The Hague, 1968.)
- Jespersen 1899 — O. Jespersen. *The articulations of speech sounds represented by means of alphabetic symbols*. Marburg in Hessen, 1889.
- Jones 1929 — D. Jones. Definition of a phoneme [definiʃn əv ə founi:m] // *Le Maître phonétique*. Sér. 3. Année 7. 1929, No. 28 (Octobre/Décembre). P. 43–44. (Переиздание: D. Jones. *Selected works*. Vol. VII: *Selected papers*. London; New York, 2003.)

- Lenneberg 1967 — E. H. Lenneberg. *Biological Foundations of Language*. New York; London; Sydney, 1967.
- Martinet 1947 — A. Martinet. Où en est la phonologie? // *Lingua: An International Review of General Linguistics*. Vol. I, No. 1. [1947]. P. 34–58.
- Martinet 1965 — A. Martinet. *La linguistique synchronique*. Paris, 1965.
- Menzerath 1935 — P. Menzerath. Die phonetische Struktur: Eine grundsätzliche Betrachtung // *Acta psychologica*. Vol. I, No. 2. The Hague, 1935. P. 241–260.
- Menzerath, Lacerda 1933 — P. Menzerath, A. de Lacerda. *Koartikulation, Steuerung und Lautabgrenzung*. Berlin; Bonn, 1933. (Phonetische Studien, hrsg. von P. Menzerath, 1.)
- Pilch 1968 — H. Pilch. *Phonemtheorie, I. Teil*. Basel; New York, 1968.
- Pulgram 1961 — E. Pulgram. A Proposal: Allophoneme, Allomorpheme // *General Linguistics*. Vol. V, No. 2. 1961. P. 72–74.
- Sapir 1929 — E. Sapir. A Study in Phonetic Symbolism // *Journal of Experimental Psychology*. Vol. XII. 1929. No. 3 (June). P. 225–239.
- Scripture 1925 — E. W. Scripture. Experimentelle Untersuchungen über die Betonung im deutschen Satz // *Die neueren Sprachen*. Bd. XXXIII. 1925. H. 4 (Juli — August), S. 280–284.
- Scripture 1932 — E. W. Scripture [Referat:] Bridgman, P. W., *The Logic of Physics*, New York, Macmillan, 1928, XI + 228 Seiten // *Zeitschrift für Experimentalphonetik*. 1932. Bd. I, Heft 3–4. S. 171–172.
- Swadesh 1934 — M. Swadesh. The phonemic principle // *Language*. 1934. Vol. 10, No. 2 (June, 1934). P. 117–129.
- Ščerba 1911 — L. Ščerba. Court exposé de la prononciation russe. 1911 (Supplément du Maître Phonétique, Novembre-Décembre, 1911) (Русский перевод: Л. В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 171–175.)
- Trubetzkoy 1929 — N. Trubetzkoy. Zur allgemeinen Theorie der phonologischen Vokalsysteme // *Mélanges linguistiques dédiés au Premier congrès des philologues slaves*. Prague, 1929. S. 39–67. (Travaux du Cercle linguistique de Prague. 1.)
- Vachek 1932 — J. Vachek. Professor Daniel Jones and the phoneme // *Charisteria Gvilelmo Mathesio qvinqvagenario a discipvlis et Circvli lingvistici Pragensis sodalibvs oblata*. Prague, 1932. P. 25–33.